

**МОРСКИЕ
ИСТОРИИ**
СБОРНИК РАССКАЗОВ

АЛЕКСЕЙ МАКАРОВ

Алексей Макаров
Морские истории
Серия «Жизнь судового
механика», книга 8
Серия «Морские истории и байки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67914639

*Морские истории. Жизнь судового механика №8 / Алексей Макаров:
Горизонт; Москва; 2022*

Аннотация

Книгу «Морские истории» Алексей Макаров посвятил рассказам о жизни моряков. В ней ярко, без прикрас и с долей морского юмора описывается жизнь судового механика. Эта тема в литературе никогда и никем не освещалась. Так что читатель имеет возможность первым узнать о суровой жизни и незаметном для посторонних взглядов труде тех, без кого судно не сдвинется с места. Истории, описанные в рассказах, составлены на основании личного опыта, по рассказам друзей, знакомых и однокашников автора.

Содержание

Введение	5
Поход в «Сименс-клуб»	7
Пять долларов	18
Бизнесмены из Конакри	25
Нож в спине	35
Фанера	55
«Заяц»	64
Филя	77
Сан-Томе	85
Ванкувер	97
Акула	114
«Санта-Лючия»	124
Кино	136
Монумент	160
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Алексей Макаров

Морские истории

Серия: Жизнь судового механика № 8

© Алексей Макаров, 2022

Введение

А я не жалею, что большая часть моей жизни прошла в машинном отделении, что мои руки и роба были вечно в мазуте. Я не жалею о том, что прополз на пузе льяла всех пароходов, где мне пришлось поработать, залезать в картеры дизелей и делать моточистки, крутить гайки и чистить топливные танки. Бывало, что и фекальные цистерны, если того требовали жизненные ситуации. Потому что это моя жизнь.

А кто напишет об этом? Кому это интересно? Да никому, кроме меня самого. И вообще, где про это написано? Кто рискнул написать об этом? Хотя половина моряков – это или механики, или мотористы, которые провели в море не меньше моего и нахлебались таких «прелестей» под жвак.

Обычно в книжках про моряков пишут об открытиях, подвигах, а о мозолистых, замазученных руках почему-то забывают. Почему? Не интересно, что ли? А ведь это наша с вами жизнь, и мы так эту жизнь прожили и проживаем.

Поэтому как-то раз я сел, задумался и решил: а напишу-ка я о том, как я жил, как жили мои однокашники, друзья, иных из которых уже нет с нами, и пусть память о них останется в моих книгах.

Ведь многие персонажи, которые украшают их, – это реальные люди, только я дал им другие имена и «прописал» их на совсем другие пароходы, но это наша жизнь, а, как гово-

рится, из песни слов не выкинешь.

Большое спасибо читателям, взявшим в руки эту книгу.

С уважением к ним и их семьям,

Алексей Макаров

Поход в «Сименс-клуб»

Пашинцев после ужина стоял на палубе у трапа и курил. От жары его разморило, двигаться не хотелось, и он лениво обменивался с вахтенным матросом Мишей впечатлениями о ходе выгрузки, гадая, когда же судно отойдёт от причала.

«Кидира» (бывшее «Механик Поверов») работало на линии порты Европы – порты центральной Африки. Сейчас судно стояло в порту Банжул, столице Гамбии. К причалу его поставили только сегодня утром, так что по планам местных властей стоянка должна быть около трёх суток.

Из надстройки вышел третий помощник. Он ещё утром сдал вахту и целый день отсыпался после бессонной ночи.

Подойдя к трапу, ведущему на главную палубу, он осмотрел трюма, потянулся, зевнул и подошёл к Пашинцеву с Мишей.

– Как дела с выгрузкой? – Он кивком головы показал на трюма и работающие краны.

– Да работают, – вяло ответил матрос.

– Воруют? – продолжал интересоваться третий.

– А кто ж их знает? – пожал плечами Миша. – Вроде бы нет. Всех выходящих шмонаю, но ни у кого ничего не нашёл.

У Миши был вид заправского пирата. Голову с отросшими волосами покрывал цветастый платок, лихо завязанный на затылке в узел. Рубашка распахнута, и края её завязаны

узлом на животе. Брюки от робы цвета хаки небрежно заправлены в короткие, выше щиколотки сапоги, а в руках он держал бейсбольную биту, которую играючи перекидывал из руки в руку.

По виду этого почти двухметрового блондина было понятно, что с африканскими «несунами» он не церемонится и тщательно обыскивает их, а те ему беспрекословно подчиняются.

– Да... – протянул третий помощник. – Пу меня ночью всё было спокойно, но агент недавно принёс капитану целый список претензий. Вот они сейчас сидят и разбираются с ним. Как только они умудряются всё тырить? – неподдельно удивился третий.

– Понятия не имею. – Миша безразлично пожал плечами.

Они ещё некоторое время молча наблюдали за очередным контейнером, выгруженным на берег, и ловкими чёрными грузчиками, которые карабкались на его крышу, чтобы снять гаки со стропами.

Молчание нарушил третий помощник.

– Дедушка, – обратился он к Пашинцеву, – а чем Вы собираетесь заняться вечером?

– Сдам вахту в двадцать, пивка попью с чифом, телек посмотрим. Чё там негры в своей Африке показывают? Интересно же. А может, какой фильм по видику закрутим, да спать завалюсь. Ведь с четырёх мне снова на вахту, – перечислил Пашинцев третьему план своего вечера.

– Понятно... – протянул третий, но, секунду подумав, спросил: – А как насчёт того, чтобы немного развеяться?

– Ты чё имеешь в виду? – не понял Пашинцев. – Или какой банкет намечается? Что-то я никакой такой даты не знаю, кроме дня гранёного стакана.

– Да нет, – усмехнулся третий. – Мысль есть в «Сименс-клуб» сходить.

Пашинцев подумал и, пожав плечами, ответил:

– Вопрос, конечно, интересный... Но как ты себе это представляешь? – с интересом посмотрел он на третьего. – И вообще, ты знаешь, где он находится? Да в восемь часов к тому же вообще темно уже будет.

– Да не переживайте Вы так, я тут всё досконально знаю. На прошлой стоянке мы туда со вторым помехой ходили. Классно там. Музон чёткий. Даже белые девки были, – начал с восторгом вспоминать третий.

– Ну, если знаешь, – в нерешительности пожал плечами Пашинцев, – то ладно, пошли.

– Отлично, – обрадовался такому решению вопроса третий.

Но тут к ним подлетел Миша, потому что как только он услышал слово «девки», то сразу же не на шутку заинтересовался затронутой темой.

Ну, если дело касалось девок, то в этом вопросе на судне самым главным специалистом был Миша.

– А меня с собой возьмёте? – поинтересовался он у тре-

тього.

Пашинцеву сразу стал понятен интерес Миши к поставленному вопросу. Такой случай, как пообщаться с противоположным полом, Миша не мог упустить.

– Конечно, – тут же подтвердил третий, – какие вопросы. Отпрашивайся у чифа – и пошли.

– Понял, – отреагировал Миша. – Так что без меня не уходите, – уже обрадованно попросил он третьего и пошёл к телефону, чтобы отпроситься у старпома.

Третий помощник был рад, что группа для разврата и поисков приключений собрана, а о том, что Миша со стармехом были друзьями, он знал, да и ни для кого это не было тайной.

Получилось так, что Миша стоял вахту с чифом с четырёх до восьми на мостике на ходу, а на стоянке – у трапа. В машине у Пашинцева вахтенного моториста не было, и ему приходилось тянуть вахту с четырёх до восьми и днём, и вечером. Поэтому постоянным компаньоном деда для походов в город был только Миша. Чиф был всегда чем-то занят, и вообще его вес, превышающий сто двадцать килограмм, не позволял ему активности на стоянке и пробежек по пересечённой местности городов.

Поэтому стармех с Мишей ходили в города всегда вместе. Они обошли все интересные для моряков места в Гамбурге, Роттердаме, Антверпене, Гавре, Ипсвиче, Лас-Пальмасе и Санта-Крус-де-Тенерифе. Вот только в Африке Пашинцев

как-то пока не решался окунуться в местную экзотику.

Но тут подворачивался такой замечательный случай, от которого он был не в силах отказаться.

Так что, сдав вахту в восемь часов вечера, тёплая компания покинула борт судна.

Проходная порта располагалась напротив судна. Подойдя к ней, они показали охранникам пропуска и вышли из порта.

Один из охранников поинтересовался:

– А куда это господа собрались?

– В «Сименс-клуб», – за всех ответил третий и беззаботно вышел из будки охранников.

– Только будьте, пожалуйста, осторожней, – посоветовал один из них.

– Не переживай, – бодро кинул ему третий, – всё будет нормально.

И тут начались неприятности.

Если в порту, несмотря на наступившее тёмное время суток, было светло от портовского освещения, то, как только они вышли за пределы порта, на жаждущих развлечений моряков свалилась непроницаемая чернота.

Днём, когда Пашинцев покидал борт судна и выходил за проходную, улица за воротами порта представляла собой сплошной базар. Вдоль неё располагались мелкие магазинчики и лавки. Около них сидели торговцы различными поделками, фруктами и овощами. Вокруг царил неопишуемый гвалт, от которого хотелось куда-нибудь скрыться.

А тут, как только они прошли проходную и вышли на торговую улицу, днём такую оживлённую и освещённую яркими лучами африканского солнца, то на них свалилась крошечная темень, которая усугублялась тем, что и луна ещё не взошла.

На улице не было ни единого фонаря, не говоря уже о каком-то уличном освещении, ни задрипанной лампочки у входа в магазинчики. К тому же «туристы» не взяли с собой даже ручного фонарика, надеясь на бравые заверения третьего помощника о том, что он здесь всё знает и до «Сименс-клуба» недалеко.

Из-за абсолютной темени Пашинцев ступал по вроде бы знакомой улице осторожно. Но, несмотря на это, то нога провалится в какую-нибудь ямку, то в ноги залетит газета или пластиковый пакет.

Чуть ли не на ощупь перебирая ногами, он шёл за смутно виднеющимся силуэтом третьего помощника. Даже Мише сделалось как-то не по себе, и он обеспокоенно проговорил сдавленным голосом:

– Третий, а мы правильно идём?

– Не бзди, скоро придём, – огрызнулся третий, но в его голосе уже не чувствовалось былой бравады.

Пашинцева эта перемена в голосе третьего помощника озадачила, и он спросил у «полупроводника»:

– Долго ещё идти?

Тут третий резко остановился, да так, что Пашинцев чуть

ли не врезался в него, а сзади ему на плечи навалился Миша.

– Чё встал? – громким шёпотом спросил у третьего Миша.

Если бы Пашинцев не знал, что Миша шепчет, то ему бы показалось, что он чуть ли не орёт. Так громко раздался его шёпот в этой крошечной, вязкой темноте.

Но третий молчал и только озирался.

– Кажись, поворот прозевали, – как-то неуверенно про-
бормотал он.

Тогда Пашинцев, уже не надеясь на знания самоуверенного «полупроводника», взял инициативу на себя.

– Так, – уже в голос, а не шёпотом скомандовал он, – пошли за мной. Главное – это сейчас выйти на площадь, а там уже можно будет сориентироваться, где мы находимся.

Восстанавливая в памяти картину светлых улиц, он повернул назад, и, пройдя метров сто, они вышли на какую-то площадь.

О том, что это была площадь, можно было только догадываться. Потому что по бокам от них уже не было видно никаких домов, а впереди, метрах в пятидесяти, светилась одинокая тусклая лампочка, освещающая только смутное пятно на поверхности земли под столбом, на котором она болталась.

Это стало ориентиром для Пашинцева, и он уже бодро направился к спасительному светлому пятну в этом мире.

Но тут его что-то ужаснуло. Неожиданно со всех сторон к ним начали приближаться какие-то чёрные тени. Вначале это как будто ему показалось, но после возгласа Миши:

– Ой, смотри, а это что такое? – от пронизавшего страха у Пашинцева даже похолодело в животе.

Абсолютно чёрные тени к ним действительно приближались. Единственным спасением для «туристов» было размытое пятно света от той одной-единственной лампочки. И Пашинцев рванул к этому спасительному кругу света.

Приблизившись к нему, он начал понимать, что это были за тени. Это были люди, одетые во всё чёрное. Они молчали и беззвучно приближались к ним. Чёрные лица, чёрные руки, чёрная одежда на фоне черноты, окружающей перепуганных моряков, вызывали невольный ужас.

Но тут неожиданно тишину площади нарушил звук работы мотора автомобиля, а темноту пронзил свет его фар, вырвавший из мрака с десятков злобещих чёрных фигур.

Автомобиль со скрипом тормозов остановился возле испуганных моряков, и у него открылась пассажирская дверь. Истеричный голос по-английски прокричал:

– Быстро садитесь – и поехали!

А что оставалось делать? Или отдаться в руки чёрной толпы, неотвратимо надвигающейся на них, или прыгать в ярко освещённый спасительный автомобиль?

Моряки интуитивно выбрали последнее и, распахнув обе задних дверцы, запрыгнули на сиденье автомобиля.

Дверцы ещё не захлопнулись, а водитель автомобиля так нажал на газ, что колёса противно завизжали и автомобиль сорвался с места, оставив за собой шлейф пыли. Че-

рез неприкрытые двери вслед им только слышались какие-то гортанные крики, и даже послышалось несколько ударов по багажнику, нанесённых преследовавшими перепуганных парней тенями.

Несмотря на скорость, Пашинцев изловчился, прихлопнул пассажирскую дверь и осмотрелся в машине.

На передних сиденьях находились двое негров. Один был водитель, а второй повернулся к ним вполоборота и спросил:

– Что господа делают в городе? Почему они без охраны?

Тут Пашинцев вспомнил, что когда днём он ходил по торговой улице, то ему в охранники набивался всегда один и тот же негр. Он ему за «проводку» по улицам давал пятёрку долларами, и тот был безмерно счастлив. Да ещё и агент советовал быть очень осторожным, особенно в вечернее время.

Поэтому Пашинцев только и ответил неожиданному спасителю:

– В «Сименс-клуб» мы хотели попасть, но только заблудились из-за темноты.

– Не беспокойтесь, я вас туда отвезу, – бодро заверил их спаситель с переднего сиденья.

– Давай, вези, – только и оставалось сказать Пашинцеву.

Спаситель что-то пробормотал водителю, и тот, изменив направление движения автомобиля, понёсся куда-то в крошечную темень.

На тут доброжелательный спаситель вновь обернулся к Пашинцеву:

– Вы так больше одни не ходите. – И достал из-за пазухи обычный кухонный нож с лезвием сантиметров в двадцать.

От вида ножа у Пашинцева вновь душа ушла в пятки.

«Ну, вот тут-то нам и приснилась хана», – невольно подумалось ему.

Но это ему только на мгновение так показалось. Спаситель же мирно предложил:

– Я могу для самообороны предложить вам нож. Он защитит вас от любых неприятностей. Вы только покажите его нападающему, и вас сразу оставят.

Чувство страха как-то само собой исчезло, и Пашинцеву захотелось как можно побыстрее избавиться от этого навязчивого предложения, поэтому он уже грубо спросил новоявленного продавца:

– Сколько стоит твой нож?

– Всего пять долларов, сэр, – тут же ответил доброжелатель.

Уходя с судна, Пашинцев положил несколько крупных купюр в левый карман брюк и застегнул его на молнию, а в правый – мелкие купюры, пятёрками и по доллару. Поэтому он сунул руку в правый карман брюк и, достав пятёрку, отдал её неожиданному спасителю. Тот предал нож Пашинцеву, а он всучил его третьему помощнику.

– На, теперь ты будешь нас охранять, полупроводник ты наш, – уже нашёл в себе силы пошутить он.

Третий молча взял нож и принялся рассматривать новое

приобретение.

Тут автомобиль подъехал к высокому железному забору, увитому плющом, сквозь который проглядывалось хорошо освещённое большое здание, выстроенное в колониальном стиле, с башенками и большими высокими окнами.

Подбежавший негр в ливрее распахнул дверь и доброжелательно приветствовал:

– Добро пожаловать в «Сименс-клуб», господа.

При виде такого сервиса от сердца отлегло. Пережитые страхи сразу пропали, и Пашинцев, даже не торгуясь, отдал водителю десять долларов и вошёл в гостеприимно распахнутые ворота «Сименс-клуба».

21.09.2021

Пять долларов

Закончив профилактические работы с главным двигателем, Пашинцев с фиттером вышли к трапу, чтобы немного освежиться и подышать свежим воздухом.

Судно стояло в Банжуле, столице Гамбии. Местные грузчики не спеша выгружали трюма. Никто никуда не торопился. Ласково светило закатное солнышко, с моря шёл небольшой бриз, приносящий прохладу после дневной жары.

Пашинцев вынул сигареты, и они закурили, делясь впечатлениями о порте, погоде, выгрузке и разных мелочах, которые им повстречались в порту.

Неожиданно по трапу на борт поднялся тщедушный парень лет восемнадцати.

Вахтенный матрос Миша тут же преградил ему путь вопросом:

– Куда? Чё те тут надо?

В ответ новый посетитель указал в сторону стармеха пальцем и важно заявил по-английски:

– У меня важное сообщение для старшего инженера.

На что Миша в недоумении посмотрел на этого худосочного посланца народов свободолюбивой Африки и перевёл взгляд на Пашинцева.

– Дедушка, – как всегда спокойно, отреагировал он на напыщенный вид замухрышки, одетого в потрёпанные тряпки,

отдалённо напоминающие брюки и рубашку, – чего-то этот негритёнок хочет от тебя.

Пашинцева заинтересовал диссонанс одежды и напыщенного вида появившегося посетителя, и он попросил Мишу:

– Да пропусти ты его. Узнаем, что этому важняку надо.

Миша отошёл от трапа, пропуская тщедушное создание, а тот, чуть ли не чеканя шаг, направился в сторону стармеха.

Приблизившись, он протянул тощую руку и с гордостью представился:

– Здравствуй, дорогой старший инженер, я – Джон.

Пашинцев с интересом посмотрел на пацанёнка и, протянув в ответ руку, спросил:

– И какие такие проблемы привели тебя, дорогой ты мой Джон, на борт моего судна?

– О, старший инженер, ты даже не представляешь себе, какое выгодное предложение я хочу сделать тебе...

– И что же это за выгодное предложение? – Пашинцев изобразил на лице заинтересованность от такого известия.

– Понимаешь, старший инженер, – начал издали Джон, – я очень хорошо играю в футбол. Года через три, когда наша футбольная команда станет чемпионом Гамбии, я уеду в Европу и буду выступать или за «Арсенал», или за «Ювентус», или даже за «Милан». Это уже я сам буду решать, куда мне подавать заявку. – Перспективный футболист надменно посмотрел на фиттера, с интересом разглядывающего «важного» посетителя, снизу-вверх. – А пока я должен

собрать капитал для игры в нашей футбольной команде.

– Ну и что для этого надо сделать, чтобы ваша футбольная команда играла хорошо?

– Пашинцева всё больше и больше начали занимать планы этого начинающего бизнесмена-футболиста.

– Для начала я открою свой клуб, где буду обучать юношей футболу. Они мне будут платить за обучение, а я буду развивать клуб и совершенствовать игру нашей команды, чтобы она стала чемпионом.

– Да, – согласно кивал головой Пашинцев, – английский язык ты знаешь хорошо. Где ты его выучил?

– Мне его преподавал один англичанин, но он уже уехал в Великобританию, и сейчас я его учу по учебникам, – не меняя позы и важности тона, продолжал Джон.

– Молодец, – похвалил его Пашинцев, – так и продолжай его изучать. Только в чём будет моё участие в развитии твоего бизнеса и футбола Гамбии? – никак не мог понять он.

– Мне нужно, чтобы ты помог мне в создании первоначального капитала, – ещё больше расправив тщедушные плечики, заявил Джон и в ожидании ответа уставился на Пашинцева, для важности даже нахмурил брови.

– Да-а, – протянул Пашинцев, едва сдерживая смех, – ты возлагаешь на меня очень ответственную миссию. Но для начала можно будет узнать у тебя, а каков вообще сейчас капитал компании, в которую ты меня приглашаешь?

– У меня сейчас есть целых пять долларов, – важно отве-

тил Джон, – но если ты, старший инженер, понял всю важность проблем, связанных с футболом Гамбии, поможешь мне, то скоро мы с тобой станем очень богатыми людьми.

Не теряя важности момента, Джон требовательно смотрел на Пашинцева.

– Да, Джон, – тяжело вздохнул стармех, чтобы подавить улыбку, которая невольно появлялась на его лице, – капитал ты, конечно, имеешь большой, но в данный момент я тебе в его увеличении помочь не могу. – И он, извиняясь, расставил руки.

– Почему? – не меняя тона, воззрился на него Джон.

– Да потому что я в робе, – Пашинцев показал на свой комбинезон, – ну меня нет с собой кошелька.

– Так пойди и принеси его, – не терпящим возражения голосом заявил Джон.

– Ладно, ладно, – успокоил Пашинцев начинающего наглеть будущего чемпиона, – сейчас помоюсь, переоденусь, поужинаю и принесу, – пообещал он.

– Правда? – От таких слов с Джона слетела вся напыщенность. Он не верил в удачу, которая сама шла к нему в руки.

– Правда, правда, – похлопал его по плечу Пашинцев, – увеличу я уставной капитал твоей компании.

И с умирающим от смеха фиттером они ушли в надстройку на ужин.

После ужина Пашинцев вышел на палубу, где его с нетерпением дожидался Джон.

Увидев стармеха, он кинулся к нему с вопросом:

– Старший инженер, так ты согласен поддержать футбол Гамбии?

Едва сдерживая улыбку, Пашинцев вынул заранее припасённую пятёрку и передал её Джону.

Сколько счастья было в его глазах – ну совсем как у того ребёнка, которому подарили заветную игрушку! Это было не передать словами, это надо было только видеть!

Джон схватил Пашинцева за руку, долго-долго тряс её и, насколько позволял его английский, благодарил старшего инженера. Выговорившись, он торжественно заверил его:

– Дорогой старший инженер, футболисты Гамбии никогда не забудут твоего дара.

От всего этого, особенно от детской наивности Джона, Пашинцев был и в самом деле растроган. Недаром говорил старпом, что через жалость из него можно свить верёвки и все эти негры только такого лоха и ищут.

Рано утром «Кидира» снялась в рейс на Европу, чтобы через месяц вернуться обратно.

Пашинцев думал, что Джона он больше не увидит, но в этом он ошибся.

Джон пришёл, но не с тем, чтобы вновь клянчить денег, а с рассказами о том, как его футбольная команда сражается на полях Гамбии за звание чемпиона. А когда Пашинцев его спросил:

– А как дела в твоём футбольном клубе для молодых фут-

болистов? – тот, потупившись, горестно ответил:

– Клуб пока не открылся, – и честно сознался: – Того капитала, что у меня есть, недостаточно для развития клуба. Надо над этим ещё поработать.

– Молодец, – не выдержал Пашинцев и, вынув кошелёк, достал ещё одну пятёрку и передал её Джону.

На лице Джона было столько нескрываемой радости, что ради таких мгновений, чтобы увидеть столько счастья на лице человека, стоило жить.

Джон даже обнял своего благодетеля и, горячо поблагодарив, с криком:

– Старший инженер, ты верь в меня! Я стану чемпионом! – убежал с борта судна.

Он приходил на судно каждый заход в Банжул. Один раз он даже пришёл с несколькими друзьями, и они показали Пашинцеву своё мастерство, гоня мяч на причале у кормы судна.

В последний заход в Банжул Пашинцев дал ему двадцатку, но не сказал, что это их последняя встреча. Однако Джон, как будто поняв это, схватил Пашинцева за руки и, пристально посмотрев в глаза, попросил:

– Старший инженер, ты, пожалуйста, верь в меня, я много смогу добиться. Я буду чемпионом. Это я тебе обещаю!

Пашинцев не знал, стал ли Джон чемпионом Гамбии, но среди игроков знаменитых клубов Европы он его так и не увидел.

20.09.2021

Бизнесмены из Конакри

Пашинцев после окончания швартовки поднялся в каюту с мечтой, что сейчас помоеется в душе и отдохнёт. Но мечты тем и хороши, что остаются мечтами.

Раздался телефонный звонок, и, подняв трубку, он услышал, как вахтенный матрос вежливо попросил его спуститься к трапу, потому что там его ожидает какой-то военный, который утверждает, что хорошо знает Пашинцева.

Странно, но в Конакри Пашинцев никого не знал, тем более из военных.

Пашинцеву так не хотелось разрушать свой букет «мечт», как говорил его младший сын, а когда тот начинал с ним спорить, что такого слова в природе не существует, то сын приходил к выводу, что «мечтов» мало не бывает, а их у него много и он их все мечтает.

Сегодня Пашинцеву, как обычно, пришлось заступить на вахту в четыре утра, а потом остаться на вахте с электромехаником, который нёс вахту с восьми до двенадцати, чтобы с ним закончить швартовку. Поэтому мечтой Пашинцева сейчас было насладиться прохладой кондиционированного воздуха в каюте и нырнуть в чистую постель хотя бы на пару часиков, но ей из-за какого-то вояки, как он теперь понимал, осуществиться не суждено.

Вспомнив всех военно-морских матерей, Пашинцев за-

крыл каюту и спустился к трапу.

У трапа и в самом деле стоял человек в военной форме, но это был не представитель Военно-морского флота России. Это был обычный человек в морской офицерской форме, правда, с чёрным лицом. На погонах у него красовались три огромные звезды. Несмотря на утреннюю жару, он был в чистом и отглаженном, чуть ли не сверкающем кителе. На рукавах у него золотом блестели невероятно широкие шевроны, но вот лицо его немного подкачало. Оно явно выдавало, что он представитель не ВМФ России, а военного флота этой африканской страны под названием Гвинея, где сейчас находилась «Кидира» и где у Пашинцева не было ни одного знакомого.

Увидев удивление на лице Пашинцева, офицер подошёл к нему чуть ли не строевым шагом и на хорошем русском языке, почти без акцента, поздоровался:

– Здравствуйте, уважаемый старший механик. Я рад Вас приветствовать в нашем знаменитом порту Конакри.

От всего увиденного и услышанного Пашинцев был в шоке. Во-первых, он не знал, как себя вести с представителями военных организаций. Во-вторых, он вообще понятия не имел, есть ли у него право с ними общаться или иметь какие-либо дела. В-третьих, Пашинцева раздирали смутные сомнения: а что вообще надо этому бравому, лощёному офицеру, от чёрной кожи которого яркое африканское солнце отражалось множественными бликами?

– Вы не удивляйтесь, что я говорю с Вами по-русски, – продолжал офицер. – В своё время я проходил обучение в Советском Союзе, поэтому хорошо говорю по-русски.

– Здравствуйте, здравствуйте, – в замешательстве проговорил Пашинцев и пожал протянутую руку сияющего офицера. – Чем буду Вам обязан? – как-то непроизвольно вырвалось у него.

– О! – радостно воскликнул неожиданный визитёр. – Абсолютно ничем. Но Вы, уважаемый старший механик, должны меня понять правильно... – И офицер в ожидании реакции на свои слова внимательно уставился на Пашинцева.

– И в чём же это я Вас должен понять? – Пашинцева этот цирк уже начинал веселить.

– Вы должны меня правильно понять в том, – напыжившись, продолжил офицер, – что наш сторожевой корабль сейчас не может отойти от причала для охраны нашей государственной границы.

«Так, – подумалось Пашинцеву, – на меня хотят навесить очередной головняк. Но, ребята, вы не на того нарвались».

Пашинцеву показалось, что офицеру нужна техническая помощь, но отход у «Кидиры» должен быть по расписанию вечером, и ему очень не хотелось переться на какое-то местное корыто и вникать в чьи-то проблемы. Ему хотелось только одного – отдохнуть, но он сделал участливое лицо и вновь поинтересовался:

– И что бы Вы хотели от меня, чтобы Ваше судно отошло

от причала?

– Вы должны мне дать десять тонн дизельного топлива, – безапелляционно заявил офицер и, выпалив своё требование, надменно уставился на Пашинцева.

Чего-чего, но такого требования Пашинцев ожидал услышать меньше всего и поэтому стоял и от неожиданности только глотал ртом влажный тропический воздух. Но переварив информацию, он попытался спокойно ответить на поставленное требование:

– А какое отношение имеет моя компания к Военно-морскому флоту Гвинеи?

– Как?! – На чёрном лице офицера возникла чуть ли не буря возмущения от такого бестактного вопроса. – Вы же русский человек и обязаны помогать своим, где бы Вы ни находились, – начал он отчитывать Пашинцева.

Но в таком тоне со стармехом разговаривать было нельзя, и он уже спокойным голосом, поняв ситуацию, сам начал контратаку:

– Вы, уважаемый, когда поднимались на борт судна, посмотрели на наш флаг?

– Нет, мне этого не надо, – офицер как-то немного замешкался, – потому что я знаю, что на этом судне есть русские люди.

– А зря, – покачал головой Пашинцев и, отойдя от трапа в корму, показал офицеру на флагшток. – Посмотрите, какой у нас флаг.

В это время небольшой порыв ветра расправил флаг, и он во всей красе показал своё панамское полотнище.

– Но вы же русский и должны меня понять... – вновь начал офицер, однако Пашинцев его прервал:

– Сейчас я не русский, а работник компании «Юником» и полностью подчиняюсь правилам моей компании, а если вам необходимо топливо для отхода в рейс, то решайте это с вашим начальством, а не со мной. А если ваше начальство решит, что вам очень нужно топливо, то пусть само обращается в «Юником», и если оно получит положительный ответ, то я всегда буду рад вам помочь.

Закончив такую пламенную речь, Пашинцев посмотрел на вахтенного матроса и позвал его:

– Миша, проводи, пожалуйста, господина офицера с судна. Он здесь немного задержался, – и, посмотрев на ещё больше почерневшую физиономию просителя-требователя, приклонил голову: – А сейчас до свидания. Вахтенный Вас проводит.

Миша, услышав такую просьбу, не спеша, поигрывая бейсбольной битой в руках, приближался к визитёру.

Поняв, что он больше ничего не добьётся, офицер начал спускаться по трапу, а Миша с высоты своего двухметрового роста пристально смотрел на покидающего борт представителя ВМФ Гамбии, пока тот не спустился на причал.

– Миша, – обратился Пашинцев к вахтенному, – ты таких чудачков совсем на другие буквы больше не пускай ко мне.

– Понял, – ответил не очень-то разговорчивый Миша. – Не волнуйся, дедушка, никого больше не пущу.

– Вот и отлично, – довольно кивнул головой Пашинцев. – И вообще, я устал, и мне надо поспать, а то у нас на вечер опять намечается отход. – И направился в надстройку.

В каюте Пашинцев принял душ, и тут его мечта об отдыхе начала сбываться. Он и в самом деле нырнул в постель и моментально провалился в сон.

Пашинцев не знал, долго ли он спал, потому что подскокил от трезвона телефона, который, как ему показалось, начал надрываться сразу же после того, как он положил голову на подушку.

Ничего не понимая, он прохрипел в трубку:

– Да, – и посмотрел на настенные часы.

Было около часа дня. Обычно повариха его на обед не поднимала, значит, это был кто-то другой.

И в самом деле, это был вахтенный матрос. Но уже не Миша. Это был Эдик.

Это был ещё тот флегмат! От одного его вида бедного старпома начинало колотить, и он, забывая даже о своём внушительном весе, начинал, как молодой джейран, носиться и махать всеми своими конечностями.

Из трубки слышалось:

– Дед, тут к Вам пришёл один местный житель с подарками. Утверждает, что он Вам очень обязан, и принёс несколь-

ко корзины с фруктами, – на одной ноте пробубнил Эдик.

Какой местный житель? Что за подарки? Пашинцев со сна так ничего понять и не смог, поэтому, зная тормозность Эдика, только и сказал ему:

– Пусть подождёт, я сейчас спущусь.

– Хорошо, я ему передам, – послышался монотонный ответ вахтенного.

Наскоро сполоснув лицо, надев футболку и шорты, Пашинцев спустился к трапу.

Выйдя на палубу, он был чуть ли не раздавлен в объятиях здорового чёрного мужика.

– Чиф, как я рад тебя видеть! – чуть ли не вопил он. – Я так ждал твоего возвращения, и вот он ты! – Мужик радостно смотрел на Пашинцева. – Ты меня в прошлый раз спас, и я сейчас принёс тебе подарки. Смотри, вот они. – И он показал на две внушительные корзины, наполненные бананами, манго и ещё чёрт знает чем.

И тут до Пашинцева дошло. Для него все эти местные жители были как бы на одно лицо. Он их постоянно путал. Ну не откладывался у него их облик в памяти. Что он мог поделаться с собой? Но тут он вспомнил, что помог одному рыбаку, который назвался Хасаном, в прошлый заход в Конакри.

Его тогда точно так же вызвали к трапу, и этот здоровый мужик чуть ли не слёзно умолял дать ему канистру масла, а то его баркас не сможет выйти в море, а сейчас идёт очень много рыбы и ему обязательно надо её поймать, чтобы про-

кормить семью.

Насколько был правдив рассказ рыбака, Пашинцев не знал, но тогда он дал ему канистру циркуляционного масла. Масла на судне было в избытке. На главном двигателе «Ханшин», который стоял на судне, расход масла был очень большой из-за его конструктивных особенностей, поэтому Пашинцев посчитал, что подаренные рыбаку двадцать литров масла особого вреда компании не нанесут. А помочь ему почему-то захотелось.

И вот сейчас, высвободившись из объятий Хасана, он пошёл и посмотрел на фрукты.

– Большое спасибо тебе, Хасан, – поблагодарил Пашинцев незадачливого рыбака. – Как прошла твоя рыбалка?

– Отлично она прошла, чиф, – радостно улыбался Хасан. – Я поймал очень много рыбы, поэтому и принёс тебе эти подарки. – Он широким жестом указал на корзины с фруктами.

Пашинцев почувствовал, что с этими подарками что-то не так, поэтому спросил радостного Хасана:

– И сколько я тебе должен за эти фрукты? – и показал верзиле на корзины.

– Ничего ты мне за них не должен, – начал размахивать руками Хасан, – это я только благодарю тебя за помощь.

Но тут на палубу вышли боцман с артельщиком и, увидев фрукты, удивлённо уставились на Пашинцева:

– А кому эти фрукты? – был их первый вопрос. – Мы их вроде бы не заказывали...

– Кому-кому, – недовольно поморщился Пашинцев, глядя на любопытных артельщика и боцмана. – Для вас и будут они. Чего смотрите, тащите их поварихе и в артелку. Потом уже будем разбираться кому.

Услышав слова деда, боцман с артельщиком тут же подхватили корзины и занесли их в надстройку. Вот тут только Пашинцев заметил, что у трапа стоит тощий негритёнок с четырьмя пустыми канистрами литров по двадцать пять каждая. И тут до него дошло, в чём заключалась хитрость Хасана. Теперь-то от него уже отделаться не удастся, потому что он взял его подарки. Тут уже сработал принцип «щуки». Ты только сунь пальчик в пасть, и назад он уже не выйдет, а залезает только глубже и глубже.

– И чего ты ещё хочешь? – горестно вздохнул Пашинцев, поняв, что наживку он заглотил.

На это Хасан, так же широко улыбаясь, опять поведал животрепещущую историю о том, что подходит какая-то огромная стая рыбы, которую он, Хасан, ну никак не может упустить, и поэтому ему вновь необходимо масло для выхода на рыбалку.

Пашинцев тут же возразил раскатившему губу верзиле:

– Но я тебе могу дать только две канистры масла, – на что тот только рассыпался в благодарностях:

– Спасибо тебе, чиф, ты снова спасаешь меня, – и махнул негритёнку рукой, который мигом взбежал на борт.

А Пашинцеву пришлось идти с ним в машинное отделе-

ние и наливать масло в принесённые канистры.

Несмотря на щедушность негритёнка, тот хоть и с трудом, но вытащил по трапам машинного отделения наполненные канистры на палубу, и они с Хасаном с поклонами и благодарностями сошли на причал.

До отхода Пашинцева никто больше не беспокоил, и он нашёл время подремать. В шестнадцать надо было заступать на вахту, а в двадцать вновь был отход в следующий африканский порт.

К вечернему чаю всему экипажу были выданы фрукты, которые ещё с неделю ели вечерами.

Судно работало на линии, и следующий заход в Конакри планировался через месяц, поэтому Пашинцев где-то в глубине души осознавал, что с этими местными бизнесменами ему ещё придётся встретиться.

22.09.2021

Нож в спине

Через месяц «Кидира» вновь стояла у причала в Конакри. Сомнения Пашинцева, что Хасан повторит свой визит к нему, полностью подтвердились. Через пару часов после швартовки он вновь был на борту судна.

Когда в каюте зазвонил телефон, Пашинцев уже интуитивно знал, что вахтенный матрос скажет, что назойливый Хасан пришёл проведать его.

А Миша так и сказал:

– Дедушка, к тебе опять этот амбал припёрся с фруктами. Он тебя у трапа ждёт.

– Ладно, – тяжело вздохнув, подтвердил Пашинцев, что понял Мишину информацию, – сейчас спущусь.

Как его достали африканские «друзья», которые беззастенчиво пёрлись на судно. Ему-то ещё ничего, а вот капитану со старпомом приходилось намного труднее. Пашинцев их прекрасно понимал, когда видел их, обессиленных, в конце дня на ужине или вечернем чае.

Но надо было что-то решать с этим Хасаном. Надо было от него как-то избавиться, и у Пашинцева наметился кое-какой план.

Спустившись к трапу, он вновь увидел сияющую от счастья, лоснящуюся физиономию своего «лучшего кореша».

– Чиф, как я долго ждал тебя! – чуть ли не кричал тот от

радости. – Наконец-то вы пришли, и я имею счастье вновь видеть тебя. Прими мои подарки. – Показывая на большие корзины с фруктами, возле которых стояла пара засушенных чёрных оборванцев.

– А я-то как рад видеть тебя, Хасан. – Пашинцев изобразил на лице непомерную радость. – Что тебя вновь привело ко мне, друг мой? Неужели у ваших берегов вновь появилось очень много рыбы?

– Ты знаешь, чиф, ты угадал. – Радость с лица Хасана моментально испарилась, и на нём отобразилось непомерное горе, которое он в данный момент испытывал. – Рыбы очень много, но я опять без масла никак не могу выйти на промысел.

По виду Хасана можно было понять, насколько эта весть скорбна для него.

Деваться было некуда, не посылать же этого пройдоху на великие три буквы, тем более рядом крутился артельщик, который с вожделием посматривал на корзины. Поэтому Пашинцев поменял тактику в общении с местным «бизнесменом».

Старпом после последнего визита в Конакри рассказал Пашинцеву, что Хасан никакой не рыбак, а обычный пройдоха, который разводит наивных пацанов, типа Пашинцева, давя на жалость. Эти слова старпома Пашинцев хорошо запомнил и понял, что из себя представляет Хасан.

– Хасан, – с проникновенным дружеским чувством обра-

тился Пашинцев к верзиле, – я тебе очень много дал масла, а ты хоть и рыбак, но так и не принёс мне ни одной рыбки. А я так люблю свежую рыбу, – с болью в голосе сказал Пашинцев, жалостно посмотрев на Хасана.

Наверное, его слова проникли в сердце пройдохи, потому что он горячо начал заверять стармеха:

– Дорогой чиф, почему же ты раньше не сказал мне об этом? Я бы вместо фруктов принёс тебе много рыбы.

Тут Пашинцева почему-то обеспокоила реакция Хасана на его просьбу. Не дай бог он свалит с борта со своими фруктами, о которых сегодня боцман и артельщик делали Пашинцеву призрачные намёки, поэтому он поменял тактику.

– Нет, то, что ты принёс фрукты, это хорошо, но никогда не забывай, что я очень люблю рыбу. Но и без фруктов я жить не могу.

В словах стармеха было столько искренности, что Хасан начал горячо его заверять:

– Не волнуйся, чиф, я тебе сегодня принесу рыбу, но только ты не забывай о моей просьбе про масло, – тут же напомнил он.

Конечно, Пашинцев и не сомневался в основной цели визита этого «бизнесмена», тем более краем глаза увидел того же худенького негритёнка с пустыми канистрами на причале. Канистр было уже не четыре, а намного больше. Сколько – Пашинцев пока определить не смог.

– Дам я тебе масло, ты не волнуйся, – заверил стармех

забеспокоившегося Хасана, – только у меня к тебе будет ещё одна просьба...

– Какая, чиф? – Хасан тут же изобразил вид полной покорности и услужливости.

– Я хочу сходить в город и купить несколько сувениров.

– Нет проблем, чиф, я тебя сегодня же свожу в город, – тут же начал обещать Хасан.

– Нет, Хасан, – возразил Пашинцев на его заверения, – мне нужно сейчас, потому что у нас вечером будет отход.

– А как же масло? – как о чём-то вполне естественном, напомнил Хасан.

– Я тебе сейчас налью две канистры, – доверительно пообещал Пашинцев обнаглевшему бизнесмену, – а когда ты привезёшь мне рыбу, то дам ещё две. Ну а после поездки в город я тебе ещё дам несколько. Понял? – И посмотрел на вставшего в позу «старт» Хасана.

– Хорошо, – тут же радостно согласился он и сделал знак рукой негритёнку с пустыми канистрами. – А я через полчаса приеду за тобой на такси с рыбой.

– Отлично. – Пашинцев был доволен началом сегодняшней операции «Город».

Хасан чуть ли не убежал на берег, негритёнку Пашинцев налил пару канистр масла, а сам пошёл к капитану и отпросился на пару часов, предложив:

– Поехали вместе прошвырнёмся, Николаич, а то что-то я засиделся тут. Хочется размяться.

– Ты что? – замахал на него обеими руками капитан. – Меня эти негры тут достали, а ты хочешь, чтобы я ещё и там с ними толкался? Ну его в баню! – Но, выплеснув эмоции, он решил: – Ты иди сам, потом расскажешь, что у них тут есть, а меня уволь. Сейчас выдалось хоть несколько свободных часиков, я лучше посплю. Да, – напомнил он Пашинцеву, – зайди к третьему и пропуск у него возьми.

– Понял, расскажу.

Пашинцев принял разрешение капитана о посещении берега и пошёл в каюту переодеваться. Надел длинные парусиновые брюки, у которых все карманы были на молниях, и рубашку с коротким рукавом и нагрудным карманом также на молнии.

Пашинцева уже предупредили, что если он захочет в Африке где-нибудь погулять, то чтобы без местного сопровождающего никуда не совался и деньги с пропуском держал в кармане, застёгнутом на молнию. Поэтому в Гамбурге, на Рипербане, Пашинцев выбрал именно такие брюки и рубашку.

Только он переоделся, как в каюте раздался телефонный звонок. Звонил Эдик. Он, как всегда монотонно, пробубнил:

– Дед, твой корефан опять припёрся. У него для тебя есть корзина рыбы.

Пашинцева такое известие обрадовало, и он быстро спустился на главную палубу.

На палубе его ждал сияющий Хасан. У его ног стояла вну-

шительная корзина с рыбой.

– Чиф, я выполнил твою просьбу, – едва увидев стармеха, радостно возвестил Хасан.

– Спасибо, дорогой друг, что ты так хорошо понимаешь меня, – поблагодарил Хасана Пашинцев, присев на корточки у корзины.

Корзина почти доверху была наполнена свежей скумбрией. Пашинцев попытался поднять корзину и ощутил, что в ней было около десяти килограмм.

Повернувшись к Эдику, он обратился к нему:

– Отнеси, пожалуйста, корзинку на камбуз, – на что тот, поморщившись, пробубнил:

– А мне от трапа нельзя никуда отходить...

Пашинцев с удивлением посмотрел на заартачившегося матроса, и у него невольно вырвалось:

– Ну, тогда не проси рыбу на обед, хавай консерву, – и обернулся к Хасану.

Тот, как будто поняв, что матрос отказывается нести корзину, успокоил стармеха:

– Чиф, ты не переживай, мой человек отнесёт рыбу туда, куда ты скажешь.

– Спасибо, Хасан, – радостно произнёс Пашинцев, – ты настоящий друг.

А Хасан что-то скомандовал очередному оборванцу, толкавшемуся рядом с ним, и тот, подхватив на плечо корзину с рыбой, вопросительно смотрел на стармеха. Махнув ему ру-

кой, Пашинцев прошёл в надстройку, а худющий оборванец последовал за ним.

Камбуз находился на главной палубе, и повариха как раз готовила там ужин.

– Вера Ивановна, – вежливо обратился к ней Пашинцев, – тут нам рыбки принесли, возьмите её, пожалуйста.

– Опять Вы, Иваныч, таскаете всякую дрянь на камбуз, – недовольно отреагировала она на просьбу Пашинцева. – Вечно я тут ничего найти не могу после вас.

Это она до сих пор злилась на Пашинцева из-за его последней рыбалки со старпомом.

Тогда они наловили огромное ведро местных карасиков. Старпом своим ключом открыл камбуз, и они занялись разделкой рыбы, чтобы её засолить.

По стечению обстоятельств соль в банке, в которой повариха её хранила, закончилась, и старпом, взяв пачку с какими-то арабскими иероглифами, пересыпал её содержимое в эту банку. Покончив с засолкой рыбы, они поставили ведро в артелку, сдали вахту и пошли спать. А в обед были подняты по аварийной тревоге, которую устроила повариха. Она испекла свежий хлеб, но тот оказался весь сладкий, так как она посолила его из банки, куда старпом ссыпал якобы соль из пакета с арабским названием продукта. Ну, аварии не случилось, потому что весь экипаж успокаивал рыдающую Веру Ивановну, смеясь над случившимся курьёзом.

Рыбу в ведре Пашинцев сразу промыл и вновь засыпал уже солью – конечно, предварительно попробовав её. После трёх дней маринования рыбы в ведре Пашинцев вывесил её просушиться, и в одну из суббот, когда капитан выдавал пиво, они со старпомом попробовали получившуюся рыбу. Она имела особый вкус и упругость, чем вызвала всеобщее восхищение. Поэтому после того инцидента Пашинцев всегда добавлял сахар в рыбу, когда её солил.

Но Вера Ивановна «косяка» с солью простить Пашинцеву не смогла и при всяком удобном случае напоминала ему об этом.

Вот и сейчас она изливала на Пашинцева свою застарелую боль:

– У меня тут и так работы невпроворот, а Вы всё таскаете и таскаете. – А увидев корзину с рыбой, возмутилась: – А кто мне её чистить будет? Что? Неужели Вы хотите, чтобы я этим занималась?

– Так это же скумбрия, Вера Ивановна, – как можно доброжелательнее начал Пашинцев, – её же чистить не надо, только выпотрошить.

Вера Ивановна посмотрела в корзину и уже более спокойно ответила:

– Ладно уж, пожарю я вам рыбку, – но тут же напомнила, чтобы не уронить свою значимость в глазах стармеха: – Только если старпом даст мне матроса. А то я её за борт вы-

кину, – пообещала она.

Видя, что Вера Ивановна, согласилась принять в производство рыбу, Пашинцев перенёс корзину вглубь камбуза, подальше от комингса, и как можно быстрее, пока настроение Веры Ивановны не изменилось, покинул камбуз.

В мрачные обещания Веры Ивановны он не верил, не настолько уж она была злым человеком, чтобы выполнить их. Во всяком случае, кормила она экипаж на убой, а на её личные эмоции Пашинцев особого внимания никогда не обращал. Мало ли их может быть у единственной женщины на судне, а особенно на четвёртом месяце рейса.

Сейчас для него было главным, вывезет его Хасан на берег или нет, поэтому Пашинцев с первой космической скоростью выскочил на палубу.

Увидев Хасана, он сразу же кинулся к нему с вопросом:

– Ну что, дорогой мой друг, когда мы едем в город?

– Сейчас и едем, чиф, – уверил его Хасан и показал на раздолбанное старое «Рено», стоящее на причале у трапа, но тут же напомнил: – А масло, чиф? Ведь ты же обещал мне ещё дать.

В данный момент Пашинцев уже не помнил, что наобещал новоявленному бизнесмену, но, услышав его просьбу, с трапа позвонил второму механику и попросил его наполнить пару канистр маслом. Тот, наверное, уже был в курсе всех развивающихся событий и, спустившись к трапу, взял с собой того же худосочного негритёнка и ушёл в машину.

На судне, как на лакмусовой бумажке, тайн быть не может. Все всегда обо всём знают, поэтому второй механик лишних вопросов не задавал. Он знал, на какие нужды пойдёт масло.

Когда второй ушёл в машину с подручным Хасана, тот вопросительно посмотрел на Пашинцева:

– Чиф, если у тебя нет больше никаких дел на судне, то мы можем ехать в город.

– Отлично, – уже спокойно вздохнул Пашинцев и, махнув рукой Хасану, пошёл вниз по трапу к стоящему внизу такси.

У проходной полицейский заглянул в машину, но Хасан что-то сказал ему и по-корефански похлопал по плечу, а тот махнул рукой шофёру, чтобы проезжал.

Да, в порту был беспорядок, к такому Пашинцев уже привык в африканских портах, но за его пределами царил в высшей степей неопиcуемый «бардельеро».

Он начался сразу же за воротами порта.

Машины самых разных марок стояли приткнутые к тротуарам с обеих сторон дороги. Большинство из них даже колёсами заехали на тротуар. Для проезжей части было оставлено так мало места, что встречные автомобили разъезжались друг с другом буквально в миллиметрах. По тротуарам вереницей неслись мотоциклы и мопеды. Мало им было места на дороге, так они заполонили ещё и тротуары. Пешеходы выполняли тут каскадёрские трюки, уворачиваясь от всех видов транспорта.

Вокруг стояла несмолкаемая какофония клаксонов. К

этому прибавлялись ещё и крики недовольных водителей автомобилей и обиженных пешеходов, которые обменивались друг с другом впечатлениями о созданных неудобствах.

Машины были все старых моделей, ржавые, побитые и невероятно грязные.

Пашинцев невольно посмотрел себе под ноги. Коврика на полу автомобиля не было, и в проржавленные отверстия чётко просматривались ямы и рытвины, которые преодолевал этот выдавший виды ветеран.

Придя в себя от увиденного, Пашинцев сосредоточился на более меркантильных вещах и поинтересовался у Хасана:

– А где я смогу поменять здесь доллары, – на что тот тут же ответил:

– Нигде не надо ничего менять, чиф, тебя тут сразу обманут. Я тебе их поменяю. Какие деньги ты хочешь поменять? – тут же поинтересовался Хасан.

– У меня есть пятьдесят американских долларов, – ответил Пашинцев. – Я надеюсь, их хватит на покупку сувениров?

– Конечно, хватит, – заверил его Хасан. – Давай свои доллары.

Пашинцев достал банкноту в пятьдесят долларов и передал её Хасану.

Тот повертел её в руках, посмотрел на свет и достал объёмное портмоне, которое чуть ли не лопалось от наличия в нём купюр местного разлива. На калькуляторе он посчитал,

сколько он должен дать местных гвинейских франков, и показал эту сумму Пашинцеву.

Да ему в тот момент сколько ни покажи, он был согласен со всем, потому что от невероятного шума, царившего на улице, и от всего увиденного беспорядка, грязи и неприкрытой нищеты он офонарел.

Ощувив в руках пухлую пачку денег, Пашинцев попытался засунуть её в наружный карман рубашки, но Хасан остановил его.

– Чиф, ты так не делай. – Он взглядом показал на деньги. – У нас на улицах их могут оторвать вместе с карманом.

Но сумки у Пашинцева с собой не было, он забыл взять «напузник» и с трудом засунул пачку потрёпанных разноцветных купюр в карман брюк. В одном из наружных карманов рубашки Пашинцев оставил только пачку сигарет с зажигалкой.

– Чиф, – вновь обратился к нему Хасан, – мы сейчас поедem на базар, где ты сможешь выбрать для себя сувенир, но только ты там сам ничего не покупай, – начал он инструктировать Пашинцева, – ты только покажи мне, что тебе нравится, и я сам это куплю, а деньги ты мне потом отдашь. Хорошо? – И добавил: – Держись только рядом со мной, никуда не уходи, а то ты можешь попасть в руки мафии.

– Понял, – кивнул Пашинцев Хасану, поведение которого кардинально изменилось. Из улыбающегося и лебезящего просителя он превратился в серьёзного и сосредоточенного

охранника.

Вскоре автомобиль в калейдоскопе и круговерти городского движения оказался перед базаром.

Было сразу заметно, что Пашинцева доставили к месту назначения. Во-первых – по запаху, во-вторых – по обстановке. Везде были какие-то лачуги, небольшие домики, собранные из подручных материалов, а то и просто прилавки, накрытые то рогожей, а то и пластиковой плёнкой, защищающей то ли от дождя, то ли от палящего солнца.

Чёрные африканцы сновали тут, как мухи в броуновском движении. Все чего-то кричали, а продавцы размахивали руками, зазывая покупателей. Часто можно было увидеть женщин, которые, несмотря на всеобщую суету и толкучку, изящно сновали то с вёдрами, то с корзинами, а то и с тюками на головах, одетые в своеобразные разноцветные платья и длинные юбки. Попадалось много беременных женщин или с привязанными за спиной спящими младенцами.

Для Пашинцева всё это было экзотикой, и он только и делал, что вертел головой, разглядывая непривычные для себя картины. О цели своего визита Пашинцев абсолютно забыл и только созерцал всё то, что ему попадалось на пути, сожалея, что не прихватил с собой фотоаппарата.

Увидев ошарашенность своего подопечного, Хасан подхватил Пашинцева под руку и потащил куда-то вглубь рынка. Вывел он его точно к тем прилавкам, на которых были разложены различные сувениры. Чего тут только не было.

Одни фигурки были вырезаны из красного дерева, другие – из чёрного или сандалового.

Увидев перспективного покупателя, продавцы как взбесились. Каждый совал Пашинцеву под нос свой товар и что-то гортанно кричал. Некоторые орали по-английски, но даже тут можно было услышать знакомое по-русски: «Корефан, на, бери, всё бери! Всё очень дёшево! Мой товар самый лучший, ты ни у кого такого не найдёшь!»

От всего этого Пашинцев совсем обалдел и вообще перестал соображать. Перед ним были только чёрные орущие лица и руки, которые совали ему под нос то слонов, то крокодилов с гиппопотамами, всё давая понюхать или даже попробовать на вкус.

Но Хасан оказался молодцом, он чуть ли не всем телом защищал Пашинцева от налетевших продавцов и в ответ на их крики что-то им орал.

Постепенно гвалт утих, или Пашинцев к нему настолько привык, что перестал замечать, и он сосредоточился на том, что находится на прилавках.

Тут ему попала на глаза статуэтка в виде чёрной девушки, сидящей на камне, словно русалочка в Копенгагене. Но только у той русалочки было изящное личико и сделана она была из бронзы, а у этой вместо лица был безликий овал, напоминавший яйцо.

Пашинцев взял статуэтку в руки, повертел, рассматривая её со всех сторон. Статуэтка была изящно вырезана из куска

чёрного дерева и в точности повторяла статую знаменитой русалочки, но только Пашинцева удивило то, что она была без лица, поэтому он спросил у Хасана:

– А почему у неё нет лица?

– Не знаю, – пожал плечами Хасан и что-то спросил у продавца.

Пожилой, прилично одетый по местной моде чёрный мужчина с проседью в волосах что-то долго объяснял Хасану. Тот его выслушал и перевёл объяснения:

– Это для того, чтобы каждый мужчина мог представить себе свою женщину в таком виде. Если хочешь, то покажи ему фотографию своей женщины, и он вырежет её лицо.

– Нет, – усмехнулся Пашинцев, – моя женщина белая, а эта чёрная. Пусть она лучше остаётся такой, какой её сделал автор.

Увидев, что статуэтка покупателю понравилась, продавец принялся её расхваливать. Это Пашинцев понял по его интонации и темпераменту, с которым тот хотел всучить её ему.

Хасан сразу взял на себя роль покупателя и активно обсуждал цену на эту статуэтку. Вскоре они пришли к какому-то компромиссу, Хасан рассчитался с продавцом, который упаковал статуэтку в кучу местных газет и уложил её в пакет.

– Чиф, ты будешь ещё здесь что-нибудь покупать? – поинтересовался Хасан. – Ты хочешь посмотреть какой-нибудь другой сувенир?

Но Пашинцев так устал от этого бедлама, что попросил Хасана:

– Поехали в другое место. Мне надо купить подарки жене и детям.

– Зачем ехать? – удивился Хасан. – Здесь всё есть. Пошли, я тебе покажу.

И он, не выпуская руки Пашинцева, поволок его куда-то вглубь базара.

Вскоре он привёл Пашинцева к прилавкам с одеждой, где тот долго копался и, к своему удивлению, нашёл тёплый шерстяной женский кардиган. На взгляд Пашинцева, он оказался именно таким, какие сейчас носили женщины в России. Себе Пашинцев выбрал несколько рубашек и брюки, достал деньги и расплатился, а оставшиеся деньги засунул в карман брюк и застегнул на нём молнию.

Увлёкшись покупками, Пашинцев как-то потерял Хасана из вида и, застегнув молнию, осмотрелся в поисках своего «друзбана».

Но тут он неожиданно почувствовал, что сзади в спину ему воткнулась какая-то железяка. Он ещё подумал: «Вот чёрт, не могли гвоздь заколотить в своей халупе», – и попытался сделать шаг вперёд, чтобы отодвинуться от предполагаемого гвоздя.

Но это был не гвоздь, и сделать шаг вперёд он не смог. Сзади Пашинцева плотно обхватили чьи-то руки, и тихий голос по-английски прорычал на ухо:

– Заткнись! Тихо! Давай деньги, а то зарежу, – а руки незнакомца, который воткнул Пашинцеву в спину железяку, торопливо шарили у него по карманам.

Но они все были застёгнуты, и грабитель, дёргая, пытался расстегнуть молнию на том кармане, куда Пашинцев только что всунул деньги. Однако молния и в нормальном состоянии заедала, а тут вообще заклинила, поэтому незнакомец несколько раз рывками попытался ей открыть и ослабил хватку.

Этим Пашинцев и воспользовался и что было сил заорал:

– Хасан, спасай меня!!!

Хасан в это время стоял метрах в пяти от Пашинцева, спиной к нему, что-то обсуждая с продавцом у соседнего прилавка. Услышав крик, он обернулся и кинулся к Пашинцеву.

Незнакомец с хриплым голосом, увидев несущегося Хасана, тут же отпустил Пашинцева, а тот продолжал истерично орать:

– Хасан! Спасай меня!!!

Хасан оттолкнул пару каких-то чёрных личностей, стоявших за спиной Пашинцева, и начал что-то кричать им, а те, как побитые коты, поджав хвосты, исчезли в лабиринтах базара.

– Я же говорил тебе, чиф, – Хасан уже сам накинулся на Пашинцева, – чтобы ты не уходил от меня. Я же говорил тебе, что здесь везде мафия. А ты меня не слушал!

Но теперь Пашинцев полностью услышал его, да ещё к то-

му же и ощутил, что по спине стекает струйка жидкости. Что это был не пот, Пашинцев понял сразу, поэтому в ответ крикнул своему незадачливому телохранителю:

– Всё! Хватит мне этого шопинга, вези меня на судно!

Хасан, поняв состояние клиента, схватил ошалевшего от пережитого деда за руку и выволок с базара к такси, которое стояло на прежнем месте.

Какие тут сувениры и шопинг! Жара, дурманящие запахи базара, крики, вопли, суета, дороги, ямы, да ещё и железяка в спину сделали своё дело. От всего этого Пашинцев настолько обалдел, что ничего уже вокруг не замечал и пришёл в себя, только когда такси остановилось возле судового трапа.

Подхватив пакеты, он ломанулся вверх, на спасительное судно, подальше от этой «благодатной» африканской земли.

Только голос вахтенного матроса, когда дед оказался на палубе, привёл его в себя:

– Дедушка, а чего это у вас полспины в крови?

Бросив пакеты на палубу, Пашинцев скинул с себя рубашку и осмотрел её. Действительно, кровь на рубашке была. Конечно, не на полспины, но её было достаточно.

– Посмотри, что там? – попросил он матроса, повернувшись к нему спиной.

Тот подошёл ко нему, потыкал пальцем в спину и поставил диагноз:

– Дырочка есть небольшая. Видать, вы где-то цепанулись или на гвоздь налетели.

– А сейчас кровь идёт? – Пашинцев попытался рукой достать место укола.

– Не-а, не идёт, только сукровица немного выступает, – констатировал матрос.

– Ну и ладно, спасибо тебе, – поблагодарил Пашинцев матроса и собрался зайти в надстройку.

Но тут ему на глаза попался Хасан. Он из сосредоточенного охранника вновь превратился в несчастного просителя и заискивающе заканючил:

– Чиф, а ты обещал мне дать ещё масла...

– Какое, на хер, масло?! – Пашинцев уже не стал выбирать выражений по-английски. – Меня чуть там не зарезали, – он ткнул рукой в сторону берега, – а он мне про какое-то грёбаное масло!

Но вспомнив, что он полностью не рассчитался за статуэтку с этим недоделанным бизнесменом, выхватил из кармана оставшиеся местные тугрики и всучил их ему.

– И чтобы я тебя больше здесь не видел, – уже орал Пашинцев на поникшего Хасана. От этих криков тот стал чуть ли не на полголовы ниже.

Почувствовав, что добился в этой ситуации какого-то результата, Пашинцев развернулся и ушёл в надстройку.

Его каюта находилась как раз напротив каюты старпома. Между их дверями было не более полутора шагов. Поэтому, добравшись до своей каюты, Пашинцев нос к носу столкнулся со старпомом. Увидев его, тот тут же поинтересовался:

– Говорят, что тебя порезали в городе? – И участливо посмотрел на деда.

«Господи, в каком скворечнике я нахожусь, – невольно подумалось Пашинцеву. – Здесь новости разносятся быстрее скорости света», – но спокойно ответил заботливому старпому:

– Чё панику поднимать? Посмотри сам, что там на спине.

Они прошли в каюту к стармеху, старпом обработал ранку и заклеил её лейкопластырем.

Через час Пашинцеву надо было заступать на вахту, а через три часа судно вновь снялось в рейс к очередному африканскому порту.

23.09.2021

Фанера

Экипаж «Кидиры» составлял всего двенадцать человек. Ехало на приёмку судна пятнадцать, но в последний момент какой-то умник решил, что для нового судна, которому ещё и года нет, достаточно будет и двенадцати.

А так как ни буфетчицы, ни дневальной не было, то капитан приказал всему экипажу питаться в кают-компании, чтобы поварихе легче было кормить народ.

В кают-компании было два стола, и поэтому за одним столом сидели штурмана и механики, а за вторым – весь рядовой состав.

Столовая команды теперь стала использоваться как видеосалон. Вечерами там смотрели фильмы по видеомagneтoфону, а в остальное время она пустовала или использовалась как помещение для собраний, учебных занятий и разборок по всем тревогам.

Места всем хватало. Никто не был стеснён. Поначалу матросы как-то стеснялись такого распределения, но через пару недель эта грань стёрлась, да и все стали друг другу как-то ближе. Ведь делали одно дело. Отрабатывали контракт и обеспечивали доставку грузов из Европы в Африку.

После выхода из Лас-Пальмаса капитан приказал экипажу после ужина собраться в столовой команды.

Послушная команда собралась вовремя и ждала, что такого умного скажет капитан.

Но он ничего особенного так и не сказал, кроме того, что зачитал новости компании «Юником». В конце своего выступления капитан посмотрел на полузасыпающий экипаж и выдал главную новость, которую приберёт напоследок:

– Чартер просит нас сохранять фанеру, которую в портах используют как сепарацию. Он будет её использовать вторично и таким образом экономить на доставке груза.

Боцман от такого объявления чуть ли не подпрыгнул на стуле, но капитан остановил его жестом руки и продолжил объяснения:

– За каждый сэкономленный куб экипажу будет выделена определённая сумма денег, которая будет выдана тем, кто примет участие в сохранении фанеры.

Капитан перестал говорить и, ожидая реакцию экипажа, осмотрел присутствующих.

– И как это мы её будем сохранять? – первым не выдержал боцман. – Грузчики её в стропа закладывают, и попробуй скажи им что, так моментом или зарежут, или в трюм скинут. Это ещё те бандиты! Если что останется после вы-

грузки, то мы эту сепарацию за борт выкидывать не будем, а свяжем в стропа. Пусть пользуются хоть второй, хоть десятый раз, но к этим бандюганам я под раздачу не полеку, – категорично заявил он.

Народ полностью поддержал боцмана, но капитан настаивал:

– Надо пойти навстречу компании, поэтому мне в «Юникоме» дали по этому поводу рекомендации, чтобы мы организовали тальманскую вахту. В дела грузчиков не лезли, а только вели наблюдение за выгрузкой и при выявленных нарушениях сообщали старшему стивидору, а там пусть они уже сами разбираются в своей кухне. Поэтому, – он обратился к старпому, который на время собрания спустился в столовую с мостика, – нужно составить расписание тех, кто будет наблюдать за ходом выгрузки. Особенно ночью.

– Понял, сделаем, напишем, составим, – как обычно, закивал головой старпом.

Народ недовольно загудел, но капитан напомнил:

– В зависимости от участия и от объёма сохранённого груза каждый член экипажа получит дополнительное вознаграждение. Старпом за этим пронаблюдает. – И опять выразительно посмотрел на старпома.

– Сделаем, проконтролируем, посчитаем, – вновь согласно закивал головой старпом.

А так как больше выступающих и недовольных не было, то капитан выдал последнюю новость:

– Это будет наш последний заход в Конакри и Банжул, а потому это нас коснётся только один раз. А по возвращении в Европу нас будет ждать замена, и мы едем домой.

Вот это была новость! Угрюмые лица собравшихся просияли, послышались смех и весёлые шутки. Сейчас моряки были готовы на всё. Ведь это будет в последний раз, а там пусть со всем этим разбирается другой экипаж, до того уже всех «достала» эта Африка...

* * *

А то, что в порту царил беспредел, особенно ярко можно было видеть при последней выгрузке в Конакри.

По корме у «Кидиры» стоял сухогруз с грузом риса в мешках. Район выгрузки на причале был огорожен чуть ли не цепью полицейских. Каждый строп встречала особая группа охранников, но через неё временами прорывались группки пацанов, которые специальными «царапками» разрывали мешки, и из них на причал сыпался рис. Другие подбегающие пацаны подставляли под эти струи чашки, ложки, ложки – всё, во что можно было набрать высыпавшийся рис. Ещё одна группка вениками сметала с причала просыпанный рис в мешки. Всё это происходило под град дубинок полицейских и их истошные вопли.

Поэтому всем был знаком дух жизни на причалах в Конакри.

Старпом составил расписание охраны фанеры и вывесил его на доске объявлений в коридоре.

Время охраны несравненной фанеры у Пашинцева приходилось на период с четырёх до восьми утра. Как раз это была его вахта в машинном отделении. Но так как, кроме динамики и котла, ничего в машине не работало, то механику можно было туда вообще не соваться.

Заниматься охраной было предписано на этот период старпому, как вахтенному помощнику, Пашинцеву и Мише.

Недавно с Мишей в Гамбурге при посещении знаменитой Рипербан они купили себе в одном из турецких магазинчиков «амуницию». Это были полицейские пояса со всякими прибабасами и крючками.

У Пашинцева на поясе были «присобачены» огромный нож в кожаных ножнах, фонарик «Мэглайт» на четырёх батарейках, который легко можно было бы использовать в качестве дубинки, наручники, футляр для «воки-токи» и даже кобура для пистолета. Зачем она там была, Пашинцев понятия не имел, но для общего понта он её оставил. Там же они прикупили по пачке газовых баллончиков с перцовым газом. Кроме того, они нашли магазин со спортивным инвентарём, где приобрели по внушительной бейсбольной бите.

Теперь Миша в Африке у трапа нёс вахту в таком поясе, а

без бейсбольной биты в руках Пашинцев его уже и не представлял.

Зачем всё это было куплено? Пашинцев и сам не знал. Ну, просто так захотелось. Сыграло роль тут какое-то пацанство.

В последний заход в Конакри на выгрузку было очень много груза. Если обычно судно ставили к причалу к девяти утра и отход был после двадцати часов, то сейчас предстояло отстоять около полутора суток.

Так что одна из ночей выгрузки намечалась на вахту Пашинцева.

И в четыре часа утра полностью экипированный Пашинцев вышел на вахту.

Увидев его, Миша даже не сдержался:

– Ну, дедушка, теперь вся фанера наша! Ни один бандюган к нам не сунется.

Походив гоголем у трапа, стармех решил выйти на главную палубу.

Работал только один кормовой кран, поэтому Пашинцев подошёл к комингсу трюма, встал на кожуха ограждения труб гидравлики и перегнулся через комингс, чтобы заглянуть в трюм.

Грузчики укладывали груз на паллеты, но когда крановщик начал набивать стропа, то попутно в строп они засунули пару листов фанеры.

Увидев такое, Пашинцев, исполнительный Вася, сразу закричал им:

– Эй! Что вы делаете?! Выньте фанеру из строба!

Но те не обратили внимания на крики бдительного охранника и скомандовали крановщику «вира». Тот и начал поднимать строб. Увидев это, Пашинцев кинулся к колонне крана, забежал внутрь и нажал кнопку его аварийной остановки.

Кран встал. В создавшейся тишине сразу стали слышны возмущённые крики грузчиков из трюма. Пашинцев перегнулся через комингс и вновь потребовал:

– Фанеру вынимайте, тогда дам питание на кран!

Но в ответ на его слова грузчики отреагировали иным способом. Они начали вылезать из трюма по скоб-трапам.

Как только первый из них появился из горловины трюма, он с криками кинулся на борца за справедливую выгрузку.

Пашинцев отскочил от комингса трюма на главную палубу и прокричал:

– Миша! Сюда! Убивают!!!

Хотя в руках у несущегося на него здоровущего негра ничего не было, но Пашинцеву показалось, что если он достигнет его, то точно прибьёт.

Перехватив биту в правую руку, он сделал обманный шаг влево, куда негр и кинулся, а Пашинцев огрел его справа битой по корпусу. Грузчик от удара согнулся и припал на колени, а набегавший на него другой грузчик споткнулся о него и тоже растянулся на палубе. Из рук его вывалилась какая-то

железяка, которая зазвенела по палубе и закатилась под кожу гидравлики.

Пашинцеву было бы вообще несдобровать, так как к нему быстро приближались ещё пара грузчиков, но тут сзади слышался рёв Мишиного голоса, который орал по-русски:

– А ну раздайся, шелупонь! Пошли вон отсюда!!! – и, сопровождающие этот вопль многочисленные громогласные идиоматические выражения.

Миша оттолкнул стармеха и выскочил перед оробевшими грузчиками. Он встал в боевую стойку и приглашающе помахивал битой.

– Ну, есть желающие?! – кричал он на пятившихся грузчиков. – Кто тут у вас самый смелый?!

Тут один из грузчиков крикнул по-английски:

– Чиф, скажи своему солдату, чтобы он не трогал нас, и мы пойдём работать.

Миша без перевода понял, что сказал грузчик, и, опустив битку, уже спокойно смотрел на притихшую толпу.

– Все в трюм, – уже скомандовал Пашинцев, – тогда я включу питание на кран.

Когда грузчики уже находились в трюме, он подал питание на кран, крановщик ослабил стропа паллеты, и из неё были вытащены злосчастные листы фанеры.

После этого инцидента до утра задержек с выгрузкой не происходило, она продолжалась в прежнем темпе. Случаев воровства фанеры больше не было. Пашинцев с Мишей тща-

тельно осматривали каждый выходящий строп.

Пашинцев сдал дежурство электромеханику, который стоял вахту с восьми до двенадцати. Но после обеда, когда он вышел к трапу поглазеть на причал, кто-то из проходящей группки негров, самый вертлявый, окликнул его:

– Чиф! Ты на причал не ходи, а то мы тебе это... – И он резанул себя ребром ладони по горлу.

Вот тут Пашинцев уже и в самом деле струхнул и моментально удрал в надстройку.

Через пару часов был отход, так что неграм своё намерение осуществить не удалось, а Пашинцеву больше никогда не пришлось побывать в Конакри.

25.09.2021

«Заяц»

Отход из Банжула был поздний, а выход из него сложный и долгий. Пашинцеву, конечно, из машины этого видно не было, но судя по голосу капитана, который позвонил в машину после полуночи, чувствовалось, что он очень устал.

– Всё, свободен, Иваныч, – расслышал Пашинцев в трубку телефона, – иди отдыхай.

ЦПУ в машинном отделении не было, так что вахтенный механик нёс вахту перед консолью управления главным двигателем в наушниках и охлаждался только под потоком воздуха, дующего из раструба общей машинной вентиляции.

Хотя судно и имело класс автоматизации А-1, что означает безвахтенное обслуживание на ходу, но во время манёвров и швартовок Пашинцев с вахтенным механиком всегда находились в машинном отделении. А так как вахту несли только старший механик, второй механик и электромеханик, то ему, как старшему механику, до своей вахты с четырёх утра оставалось всего несколько часов.

– Понял, – подтвердил Пашинцев приказ капитана и дополнительно пояснил: – Оставляю второго. Он проследит за вводом в режим до полного.

Повесив трубку телефона, Пашинцев подошёл ко второму механику и, приблизив голову к его наушнику, прокричал:

– Всё! Я пошёл, – и махнул рукой в сторону трапа, веду-

щего из машинного отделения.

Второй согласно кивнул головой и поудобнее устроился под раструбом вентилятора, продолжая наблюдение за приборами главного двигателя.

Поднявшись в каюту, Пашинцев наскоро ополоснулся в душе и завалился на койку в прохладе кондиционированного воздуха каюты.

За многие годы на флоте привычка засыпать сразу возобладала, и он моментально провалился в яму сна; но та же самая привычка заставила моментально проснуться, когда над ухом задребезжал звонок телефона. Это второй механик предупредил его, что до начала вахты осталось десять минут.

– Всё нормально? – поинтересовался у него Пашинцев и, получив утвердительный ответ, сказал: – Не жди меня. Иди спать. Я попозже приду.

Потянувшись и пару раз зевнув, он набрался сил и выбрался из кровати. Посмотрел на приборы компьютера, который говорил, что в машинном отделении порядок, и принялся умываться.

В машину идти не хотелось, и шпионская мысль уговорила Пашинцева не идти туда: «Да успею я ещё там пошарахаться, пойду-ка я лучше к старпому, да потрындим с ним...» И он поднялся на мостик.

После яркого коридорного освещения темнота мостика ненадолго ослепила его, но вскоре глаза привыкли, и он уже

стал различать огоньки приборов и контуры лобовых окон мостика.

Возле центрального окна стоял старпом, и Пашинцев подошёл к нему.

– Чё, в гордом одиночестве тут кукуешь? – в шутку обратился он к старпому.

– Ага, – кивнул тот. – Миша с утра к боцману пойдёт. Порядок надо на палубе навести, – пояснил он отсутствие вахтенного матроса.

Пашинцев встал рядом со старпомом и так же, как и он, принялся смотреть в безбрежную черноту моря, где-то вдали сливающуюся с горизонтом.

Поговорили о судовых делах, последней выгрузке и предстоящей замене в Антверпене. Когда темы разговоров были исчерпаны, Пашинцев потянулся, расправляя затёкшую спину, и покрутил головой.

Неожиданно ему показалось, что на правом крыле мостика мелькнула какая-то тень, и он повернул голову в ту сторону, но там больше никаких теней не было, и он озабоченно спросил старпома:

– Ты ничего не видел на крыле? – Пашинцев показал на правое крыло.

Старпом повернул голову в сторону крыла мостика, прищелкнул и, усмехнувшись, пошутил:

– А тебе, дед, черти ещё не мерещатся? Шестой месяц пошёл. Пора бы уже... – и, рассмеявшись, уже спокойно пояс-

нил: – Кто там может быть сейчас? Спят все без задних ног. Одни мы с тобой тут торчим. . .

– Понял, – согласился Пашинцев со старпомом. – Пошёл я тогда в машину. Проверить кое-чего надо.

– Давай, иди, – махнул ему рукой старпом и вновь устоялся в сторону бака.

Пашинцев вышел с мостика и направился в машину делать обход, который обязан был сделать ещё в начале вахты.

Рейс продолжался спокойно. Прошли Канарские острова с заходом в Санта-Крус и Лас-Пальмас. До Гибралтара оставалось около двух суток. Погода баловала. Штормов не было, и только пологая волна с океанской стороны слегка раскачивала судно.

К семи часам утра Пашинцев закончил очередной обход машинного отделения и остановился у конторки, чтобы сделать записи в машинном и черновом журналах.

Неожиданно прозвенел телефонный звонок. Вернее, это был не звонок, а общая сирена о тревоге в машинном отделении, и только мигающая лампочка на консолях сигнализации говорила, что это не тревога, а звонит телефон.

«Что понадобилось чифу?» – невольно подумал Пашинцев, и он поднял трубку.

Несмотря на то что он затыкал второе ухо дополнительным наушником, старпома ему было плохо слышно из-за шума машинного отделения, но он разобрал в трубке его оза-

даченный голос:

– Срочно дуй на мостик! Дело есть!

– Понял, иду.

Пашинцев в недоумении пожал плечами и повесил трубку телефона.

«Что там ещё случилось? Труба, что ли, отвалилась?» – подумал он, потому что за полгода работы вместе со старпомом он никогда не слышал, чтобы тот был таким взволнованным.

Через пару минут, вывалив язык и запыхавшись, Пашинцев взобрался на мостик. Ведь это надо было преодолеть десять палуб, да ещё и по крутым и узким трапам.

На мостике находились старпом и боцман. Было видно, что они что-то активно обсуждали, но приход стармеха прервал их разговор.

– Что случилось? Чего у вас тут произошло? – еле выговорил Пашинцев, едва переводя дыхание.

Старпом кивнул головой на боцмана:

– Ну, рассказывай...

Боцман имел взъерошенный вид, и от событий, которые его потрясли, глаза были что два блюда. Он и так-то был немногословен, и из-под его роскошных усов, кроме виртуозного мата, редко можно было услышать что-то другое, но сейчас он, как распушенная пружина, разразился тем, что только что пережил:

– А я и говорю, – продолжил прерванный рассказ боц-

ман, – заглядываю я в шлюпку, – боцман переключил своё внимание со старпома на Пашинцева, – вот так только ручку приоткрываю, – сопровождал он жестом свои действия, – и тут мне как говнищем даст в нос, что я невольно её обратно закрыл. Стою и думаю: что-то здесь не то. Потом тихонько снова её открываю, а на меня как глянет эта чёрная морда. Глазищи у неё во! – Боцман руками показал, какие у этой чёрной морды были глаза. – Зубищи у неё – во! И она тянет ко мне свои длинные руки. – Боцман, ища понимания, прервал свой эмоциональный рассказ и посмотрел в глаза слушателям. – Но я тут же шкертик вытащил из кармана, перевязал ручку – и на мостик. Пока бежал сюда, врубился, что это никакой не чёрт, а какая-то негра к нам забралась.

Пашинцев, едва сдерживая смех, посмотрел на старпома:

– Так чего ты меня вызвал-то?

– Чё делать будем с негррой этой? – Старпом ждал ответа о деда.

– Чё делать, чё делать, – ехидно повторил Пашинцев. – Не за борт же негру выкидывать. Капитану докладывать. Вот чё делать. Пусть он разбирается. Буди его.

Старпом посмотрел на боцмана и отдал тому распоряжение:

– А ты, дракон, иди и охраняй свою негру, не ровён час свалит куда-нибудь. Смотри, чтобы из шлюпки он никуда не сквозанул.

– Ясно море, – подтвердил боцман, что понял старпома, и

ушёл с мостика, а старпом поднял трубку телефона и вызвал на мостик мастера.

Капитан, весь взъерошенный со сна, появился через пару минут.

– Что у вас тут произошло? – недовольно накинулся он на старпома.

– «Заяц» у нас – вот что произошло... – попытался объяснить старпом.

– Какой заяц? – Ничего со сна не мог понять капитан.

– Обыкновенный «заяц», – начал объяснять старпом, – из Банжула вывезли.

– Как из Банжула? – Капитан уже возмущённо смотрел на старпома. – Почему мне не доложили? Неделя уже прошла.

Капитан долго просидел в службе мореплавания пароходства и был ещё тем буквоедом и бюрократом. Правда, за прошедшие полгода лоск клерка с него сошёл, но иногда он из него вылезал, как иголки из ежа.

– Так вот и докладываю, – по-прежнему спокойно отвечал на нервозность капитана старпом. – Сами только что узнали. Боцман с утра обнаружил его в шлюпке.

– В какой шлюпке? Где? – посыпались вопросы от капитана, но успокоившись после первого шока, он уже спокойнее приказал: – Пошли посмотрим на этого «зайца».

У шлюпки стояли боцман и его друг фиттер. Они о чём-то оживлённо беседовали.

– Открывай, – распорядился капитан, указывая боцману

на шлюпку.

Боцман развязал шкертик, которым обмотал ручку двери, и, предварительно отвернувшись, приоткрыл её.

Из открывшейся двери вылетело облако такого амбре, что все стоящие произвольно закашлялись и отскочили от неё.

Вслед за запахом, конечно же не роз, показалась испуганная негритянская физиономия. Владельцем её оказался невысокий тщедушный парнишка, одетый в старый застиранный комбинезон. Он был бос. На ногах у него не было никакой обуви.

Он испуганно смотрел на своих освободителей и, протянув к ним руки, только повторял:

– Хели, хелп, вотер, вотер, – показывая, что очень хочет пить.

Все присутствующие вначале уставились на него, а потом перевели взгляды на капитана, ожидая его решения, которое он тут же выдал:

– Немедленно его в душ, дать другую одежду, накормить и напоить, а я пойду звонить в контору, пусть пришлют мне инструкцию, что с ним делать.

Он отвернулся и пошёл на мостик.

– А я к нему даже прикасаться не буду! – тут же заявил боцман старпому, который хотел ему что-то сказать. – Он там столько насрал, что неизвестно какие бактерии на нём сидят.

В ответ на его возмущение старпом молчал, а боцман, ви-

дя, что его слова не доходят до старпома, продолжил:

– И говно его я в шлюпке убирать не буду, пусть он сам его оттуда выносит.

– Ладно тебе выступать, дракон, – махнул на недовольного боцмана старпом, – потом с уборкой разберёмся, а сейчас и в самом деле парня надо помыть и накормить.

– Понял, – уже более-менее спокойно пробурчал недовольный боцман, подошёл к парню и толкнул его ногой: – Пошли.

Но парень, увидев злого боцмана, упал на колени и в голос принялся причитать на своём языке, из которого можно было вычленить только:

– Папа, мама, дай... бред ноу... – И он, чуть ли не плача и показывая в сторону моря, кричал: – Ноу, ноу, ноу.

Боцман почесал затылок.

– Похоже, он думает, что мы его хотим утопить, и хочет сказать нам, что его родители померли и у них дома хлеба нет. Чё делать-то будем? – Он в ожидании решения смотрел на старпома.

– Чё делать, чё делать, – передразнил его старпом. – Веди его в азиатский галюн, там и отмоем, а потом заставим его отмывать собственное говно из шлюпки.

Боцман вновь направился к парню, но при виде него тот ещё пронзительнее что-то залопотал, и у него из глаз даже выступили слёзы.

Не выдержав такого зрелища, Пашинцев отодвинул рукой

боцмана, зашёл к парню со спины, поднял под мышки его тщедушное тело и как можно доброжелательнее по-английски предложил:

– Пошли, помоешься и поешь. Хлеб будешь кушать. Воду будешь пить. – И он жестами сопровождал свои слова.

Парень, как будто поняв Пашинцева, поднялся и, всё ещё рыдая, уже пошёл сам.

Боцман открыл азиатский галльон, Пашинцев подал туда воду, открыл её из крана и показал парнишке, что ему надо делать.

Глаза у того засветились благодарностью, он кинулся к струе воды и долго пил её, а потом стал обмываться и плескаться под её струями.

Подошедший фиттер принёс откуда-то старый комбинезон, поношенные рабочие ботинки, жестами показал, чтобы парнишка снял с себя свой провонявший и мокрый комбинезон и переоделся.

Счастливый помытый парнишка вышел из азиатского галльона довольный и сияющий. Он понял, что ему тут зла не сделают, и радостно смотрел на своих спасителей.

Тут уже и боцман с фиттером без всяких напоминаний подхватили его и отвели в столовую, где Вера Ивановна навалила ему целую тарелку какой-то каши.

Когда процедура мытья и кормления «зайца» закончилась, старпом подошёл к стармеху и поделился:

– А ты был прав в прошлый раз, когда увидел тень на кры-

ле. Я тогда утром, когда вышел на крыло, увидел чёрные следы босых ног, которые вели к трубе. Я ещё подошёл к скобтрапу и посмотрел на него. Точно помню, что белые балясины были перемазаны сажей. Но что-то не придал этому значения. Матросы с утра помыли пароход, так эти следы и пропали. – И он, осторожно посмотрев по сторонам, понизил голос: – Только смотри, мастеру о том, что мы какие-то тени видел, не брякни.

– Не волнуйся, – уверил его Пашинцев, – я сам себе не враг, зачем нам лишняя головная боль?

На том и порешили, что капитану об этом инциденте должно не будет.

Да и без того до самого прихода в Антверпен забот с этим «зайцем» у всего экипажа было выше крыши.

Капитан через пару часов принёс распоряжение из конторы, что делать с «зайцем», и озвучил его всему экипажу.

Оказывается, согласно международным правилам привлекать его к работам экипаж не имел права. Но боцман устроил такой хай, что он не будет за негррой выгребать говно, поэтому капитан парнишку отдал в распоряжение дракона. Парнишка вылизал не только шлюпку, которую загадил, но и шлюпку левого борта, а попутно азиатский галльюн и несколько других палубных кладовок, куда ещё не дошли руки боцмана. Но этого капитан не видел.

Парнишку надо было держать в отдельном запертом помещении, для чего ему выделили палубную тальманскую, ко-

торуЮ держали на замке.

Кормили его два раза в сутки. Вера Ивановна наотрез отказалась кормить «зайца» из страха, что её этот страшный чёрный охальник насильничает. И только когда старпом выделил для её охраны Мишу, она готовила ему кастрюлю с какой-то бурдомагой. Скорее всего, это было то, что не доел экипаж.

Миша открывал дверь в тальманскую, при виде него негра прятался под телогрейки. Такую реакцию «зайца» на Мишу никто не смог разгадать. Эта тайна осталась покрыта мраком.

Вера Ивановна заносила кастрюли, а пустые забирала. Миша же заставлял негра выносить свою парашу и мыть её, а Вере Ивановне советовал, чтобы она поменьше давала пленнику еды, а то у того едва хватает сил из-за тяжести параша перекинуть её через леера за борт.

В Гавре приехала полиция, надела на «зайца» наручники и куда-то увезла. К приходу его привезли назад, заперли в тальманской, а у двери оставили полицейского, который до самого отхода охранял «зайца».

Та же самая процедура повторилась и в Антверпене.

Там экипаж уехал во Владивосток, а Пашинцеву и капитану пришлось перейти с новым экипажем в Роттердам, а затем в Гамбург, чтобы подробнее ознакомить их с судном.

В Гамбурге капитан с Пашинцевым распрощались с «Кидирой» и поехали домой, а «зайца» так и возили в полицию и обратно во всех портах. Что-то он никому и нигде не был

нужен.

Поговаривали, что его отвезут обратно в Африку.

27.09.2021

Филя

Я с электромехаником Юриком ходил по Рипербану, мы заглядывали в магазинчики, глазели по сторонам, наслаждаюсь экзотикой столь знаменитой в своё время улицы.

Проголодались и зашли в одно из кафе. Заказали колбаски и по кружке пива. Как же без него в Германии, а особенно в Гамбурге.

Пиво оказалось отменное. Через стенки высокой кружки просматривалась янтарная жидкость, пузырьками отложившаяся на стенках. Эту красоту довершала пышная шапка пены, возвышающаяся над краями кружки.

Колбаски, поблёскивая тёмно-коричневыми обжаренными боками, испускали невероятный аромат, и для того, чтобы они никуда не вывалились с тарелки, их привалили с одной стороны крупно нарезанными помидорами и красным сладким перцем, а с другой – небольшими, сантиметра по полтора, веточками брокколи. И для подтверждения того, что хозяева радушны и хлебосольны, весь этот натюрморт завершала мисочка с острым кетчупом.

От такой красоты невольно пробуждался аппетит и разгорались глаза. Из кафе моментально расхотелось уходить. Всё здесь стало милым и красивым, а хозяева превратились в лучших друзей.

Обсуждения местных красот и достопримечательностей

прекратились, и мы только тем и наслаждались, что поглощали невероятно вкусные колбаски и запивали их сладковатым, с небольшой горчинкой густым пивом.

Покончив с обжираловкой – по-другому этот процесс и невозможно было назвать, – я оторвал глаза от пустой тарелки и осмотрелся.

Кафе ничего особенного из себя не представляло. Небольшое помещение на первом этаже старинного дома с несколькими столиками и большим окном, выходящим на улицу. На стенах висели какие-то картинки, а в углу приткнулась стойка бара с различными бутылками.

Увидев, что я покончил с колбасками, хозяйка заведения подошла ко мне и по-английски спросила:

– Господин ещё чего-нибудь желает?

Я отрицательно покачал головой:

– Нет, всё было очень вкусно, но позвольте поинтересоваться... – Я выжидающе посмотрел на хозяйку.

– Да, господин, пожалуйста, – вежливо улыбнулась хозяйка.

– От вас, – я обвёл взглядом кафе, – можно позвонить в Россию?

Лицо хозяйки моментально изменилось, и у неё непроизвольно вырвалось:

– Так вы из России?

– Да, мэм, – подтвердил я её догадку, – мы из России.

– А мне показалось, что вы поляки или из Югославии, –

уже сухо, без прежней слащавой улыбки подытожила она свои наблюдения.

– Нет, мэм, мы из самой что ни на есть России. – Я увидел перемену в её настроении, но не захотел заострять на этом внимания и поэтому так же доброжелательно спросил: – Так можно?

– Да, можно, только вы мне оплатите разговор наличными, – строго закончила она.

– Нет проблем, мэм, – согласился я с ней и для надёжности спросил: – Код страны – семь?

– Да, семь, – уже безразлично ответила хозяйка, не вспоминая, что мы только что были «господами», которым она обворожительно улыбалась, при этом сухо напомнив: – Наберите вначале два ноля.

– Спасибо, мэм, – поблагодарил я её и прошёл к телефону, установленному на барной стойке.

На удивление, соединение с домом произошло быстро, и из трубки раздался такой знакомый и родной голос:

– Алё...

Его я узнаю из миллиона и ста тысяч голосов, которые будут звучать рядом, его я никогда и ни с каким другим голосом не спутаю. Иной раз он снился мне во сне, и я, подхватив трубку телефона, мягко отвечал этому голосу:

– Да, моя радость, это я. Как хорошо, что я слышу тебя, – а в ответ слышалось заботливое:

– Ты где, солнышко моё? Я так по тебе соскучилась...

И сейчас из трубки звучали слова моей единственной женщины, которая, несмотря на то что находилась в десятках тысяч километров от меня, была здесь, со мною рядом.

Бар, кафе, улица, хозяйка – всё для меня пропало. Были только я и она.

Сколько мы говорили, наслаждаясь нашей близостью, для меня не имело значения. Для меня было главным то, что я её слышу и она сейчас тут, со мной. Уже потом, чуть позже, когда я положу трубку на аппарат, я буду вспоминать о том, что она мне говорила. Я этот разговор буду ещё десятки раз прокручивать в памяти. Он может мне и присниться, и тогда я буду видеть её. Как плохо, что только в фантастических фильмах можно увидеть того, кого ты так сильно любишь, а сейчас – только слышать.

Вот трубка телефона была положена, и я, отрешённый от мира сего, сидел у барной стойки и переваривал то, что только что со мной произошло.

Хозяйка вернула меня с небес в эту небольшую кафешку, обозначив мне продолжительность разговора:

– Вы говорили двадцать минут, – и написала сумму, которую я должен был ей заплатить в марках.

Пока я доставал из кошелька деньги, в зал с улицы вошёл мальчишка лет двенадцати. Хозяйка вместо приветствия сразу накинулась на него по-немецки:

– Питер, ты где сегодня шляется? У вас занятия уже давно закончились, – на что мальчишка начал оправдываться пе-

ред матерью.

Я был не такой уж знаток немецкого, чтобы полностью понять его объяснения, но мать действительно была на него зла и, не снижая тона, приказала:

– Иди наверх и переоденься.

Мальчишка послушно двинулся вглубь зала, но был остановлен новым вопросом матери:

– А Патрика ты кормил?

– Нет, мама, ещё не кормил.

– Тогда возьми колбасу и отнеси ему, – опять скомандовала мать, на что Питер, понутив голову ушёл из зала.

Я сел рядом с Юриком, и мы заказали ещё по кружке пива. Когда хозяйка принесла его, то, погрузив губы в пышную пену и сделав пару глотков, я откинулся на стуле. Надо было поговорить, меня распирало от желания поделиться с Юриком полученной новостью, которую только что сказала мне жена.

– Представляешь, – начал я, – она купила щенка.

– Какого щенка? – не понял меня Юрик.

– Обыкновенного, говорит, что очень красивого. Мы ещё весной были на Первой речке на базаре, и там один мужик продавал щенка сенбернара. Это был такой пушистый комочек, – начал я расписывать Юрику увиденного щенка, – шерстка светло-жёлтая, на мордочке тёмные пятна, как очки, глазки такие грустные-грустные, а сам весь кругленький и мягкий-мягкий. Вот такой. – Я показал руками размер уви-

денного щенка. – Мужик держал его за пазухой. Тогда я еле-еле уговорил жену не покупать его. Хорошо, что денег у меня с собой столько не было, сколько просил тот мужик. А сейчас им с дочерью предложили точно такого же щенка, и она не смогла отказаться. Сказала, что сфотографировала его и пришлёт мне фотку в письме.

– Да, сенбернары – это собаки серьёзные, – с видом знатока начал Юрик. – Я их, правда, никогда не видел, я больше по овчаркам встречаю, но говорят, что они здорово ищут людей в Альпах, если их заваливает лавинами. Ну а так, – Юрик с интересом посмотрел на меня, – дома-то всё нормально?

– Спасибо, – поблагодарил я Юрика за внимание, – всё отлично. Ждут.

– Ну вот и ладно, – сделал своё заключение Юрик, и мы, не торопясь и обсуждая последние новости, допили пиво и вышли из кафешки.

У порога, перегородив весь тротуар, лежал огромный пёс. Он, не обращая ни на кого внимания, обнял лапами палку варёной колбасы и самозабвенно её уплетал.

Юрик выходил первым и чуть не споткнулся об этого пса. Обойдя собаку стороной, Юрик поделился со мной:

– А кажись, дедушка, это и есть тот самый сенбернар, которого купила твоя жена.

Я обошёл собаку, самозабвенно мусолящую батон колбасы, и осмотрел это чудо.

Какой он высоты был, я даже и представить себе не мог,

но в длину он был точно не меньше полутора метров. Огромная голова с большими брылями, чёрные «очки», из-за которых почти не было видно глаз, большой чёрный пятак носа и обвисшие большие тёмно-рыжие уши, внизу почти чёрные. Тёмно-рыжая шерсть на широкой спине к животу переходила в белый оттенок, а шикарный мохнатый рыжий хвост завершал красоту этого монстра, который медленно, не обращая внимания на прохожих, шумы улицы, расправлялся с колбасой.

Я, в недоумении от увиденного, ошалело смотрел на эту громадину и не мог от него оторваться, но справившись с первым шоком, посмотрел на Юрика:

– И это сенбернар? – в полном бессилии указал я на монстра пальцем.

– Ага, – улыбнулся Юрик, – он самый и есть.

– Так что же она мне, – имея в виду жену, чуть ли не завопил я, – говорила про какой-то мягкий жёлтенький комочек?

– Да успокойся ты, дедушка. – Юрик осторожно взял меня под руку и обвёл вокруг поглощающего колбасу пса. – Она не хотела тебя огорчать. Она же не хочет, чтобы ты расстраивался, поэтому и говорила про мягкий комочек.

Я ещё раз обернулся, чтобы увидеть этого эпикурейца, которому, кроме колбасы, ничего не было нужно, и пошёл вслед за Юриком.

Время, которое нам дал капитан для посещения города, подходило к концу.

Через пару месяцев я был дома и увидел этот «комочек», фотографию которого прислала мне жена. Он окреп, подрос и в холке был уже под сорок сантиметров.

Оказалось, что он был породистым псом. Родители его были из Чехословакии, и звали его по паспорту Ульфеус Сольвейк Елизавета. Но для меня он навсегда остался Филей из-за своей доброты, флегматичности, верности и преданности семье.

30.09.2021

Сан-Томе

Остров Сан-Томе находится в точке с координатами $0^{\circ}20,192'$ с. ш., $6^{\circ}43,639'$ в. д., а южная оконечность второго острова – Рблаш – находится точно на экваторе.

«Херм Кипе» должен был подойти к острову Сан-Томе рано утро, но второй механик готовиться к подходу начал ещё дней за десять. Он активно собирал по всему судну пластиковые бутылки и складировал их на главной палубе, в помещении аварийного дизель-генератора.

На вопрос, зачем они ему, он загадочно улыбнулся:

– О, Владимирыч, вот придём в Сан-Томе, тогда сам всё и узнаешь...

– Но всё-таки – зачем? – не отставал от него Астахов.

– Ладно, – неохотно согласился Игорь, – слушай сюда. Я в них налью дизельки и у местных бизнесменов обменяю на вино. – И он в ожидании реакции стармеха на свои слова с интересом посмотрел на него.

– Какое вино? – не понял Астахов Игоря.

– Отличное, самое настоящее португальское вино, – горячо принялся объяснять Игорь.

– Не может быть, – не поверил Астахов. – Вот так просто они взяли и привезли тебе вина, да ещё и настоящего. Небось бурдомагу какую-то тебе втуляли.

– Не веришь?! – обиделся Игорь. – Вот когда всё увидишь и попробуешь, то сам будешь весь следующий рейс бутылки собирать. Я уже третий рейс сюда делаю, так что винца мы попробовали достаточно. – И для достоверности он даже прищёлкнул языком.

– Не кипятись, – хлопнул его по плечу Астахов, – придём – посмотрим, попробуем.

На том разговор и закончился.

Около пяти утра в каюту Астахова позвонил старпом:

– Дед, доброе утро! – услышал он бодрый голос Игоря из трубки. – Через час подходим. Иди выводи машину из режима. Ты ведь сказал мастеру, что выводить будешь сам.

– Понял, – отреагировал Астахов на сигнал раннего подъёма, – минут через десять приду, – и, повесив трубку, пошёл умываться.

Ночные вахты в машине не неслись, если судно было в открытом море, поэтому в ЦПУ в данный момент никого не было.

В течение сорока минут Астахов вывел машину до манёвренных оборотов и позвонил на мостик:

– Машина в манёвренном режиме, – доложил он старпому и тут же спросил: – Долго ещё шкрябаться?

– Нет, – так же бодро отреагировал чиф на его вопрос, – где-то с полчасика ещё. А там бросим яшку – и готовься... – Чиф сделал небольшую паузу.

– К чему? – не понял его Астахов. Что там ещё такое могло

ждать его, к чему он как-то особенно должен готовиться?

– Выгрузка будет рейдовая, своими кранами, но корешков набегит туча. Так что всё задрайвай. Но лучше подними второго. Он в курсе всех событий, – уже спокойно разъяснил старпом.

– Ну, спасибо за информацию, – поблагодарил Астахов старпома и набрал номер Игоря.

Тот, как и все механики, тут же поднял трубку телефона и ответил дежурным голосом:

– Алё, второй слушает. – По его голосу трудно было понять, разбудил ли стармех его или он вообще не спал, насколько ответ из трубки был чётким.

– Через полчаса подойдём... – Астахов начал объяснять причину раннего подъёма. – Так вот чиф говорит, что ты знаешь, что надо делать.

– Понял, не переживай, Владимирыч, всё будет тип-топ. Я ещё с вечера кое-что сделал, а сейчас подниму Марио, и он закончит закрытие помещений. – И повесил трубку.

Астахов вызвал электромеханика. Они запустили динамики, взяли их в параллель и вывели из работы валогенератор.

Вообще-то, Астахов это мог бы сделать и сам, но на судне он был всего пару недель, поэтому для него было лучше, если за этим проследит более опытный в таких делах Серёга.

Закончив манипуляции с электричеством, Астахов оставил Серёгу в ЦПУ, а сам пошёл на камбуз – посмотреть, что там приготовил на завтрак повар-филиппинец. В отличие от

своих собратья, он не был «сталеваром», мягко говоря, и не готовил трудные к употреблению блюда.

– Доброе утро, Роландо! – Астахов доброжелательно приветствовал вечно улыбающегося повара. – Что у тебя сегодня на завтрак?

– Для тебя, чиф, я сегодня приготовил замечательный омлет с овощами. Ты готов к завтраку? – Казалось, что сама любезность витает вокруг кока.

– Конечно, у меня ещё есть с полчаса перед манёврами, – заверил Астахов повара и сел на своё место в кают-компании.

Яичница с овощами была и в самом деле замечательной.

Справившись с завтраком и поблагодарив повара, Астахов вернулся в ЦПУ. Тут и начались манёвры. Обороты были скинуты до малого, а затем капитан сделал только один реверс и поставил телеграф на «Стоп». Астахов понял, что якорь брошен и ожидал команду «Отбой».

Вскоре зазвонил телефон, и стармех услышал спокойный голос капитана:

– Всё, Владимирыч, стоим на якоре. Готовность один час. Готовься к рейдовой выгрузке. Пусть пока обе динамки работают. Боцман с матросами сейчас подготовят краны к работе. – Он сделал ударение на букву «ы».

– Понял, Владимир Петрович, всегда готов, как юный пионер, – пошутил Астахов и пошёл вместе с Серёгой готовить главный двигатель к стояночному режиму.

К восьми часам в ЦПУ собралась вся машинная команда: второй механик с электромехаником и два моториста-филиппинца.

До кофе-тайма они сделали осмотр главного двигателя после недельного перехода, и Астахов попросил Игоря:

– Поднимешь меня на обед, а то я что-то устал.

– Иди отдыхай, Владимирыч, я тут сам со всем справлюсь, – пообещал Игорь и заверил: – Не переживай, всё сделаю как надо.

И Астахов пошёл спать.

На этом судне каюта стармеха находилась на третьей палубе, так что карабкаться по трапам на пятую, как на прежнем контейнеровозе, ему не пришлось. Чтобы сэкономить время, он не стал раздеваться и завалился на диван в кабинете.

Игорь, как и обещал, поднял Астахова в начале первого, и он, умывшись и переодевшись, спустился в кают-компанию.

Покончив с обедом, Астахов вышел на главную палубу, чтобы осмотреться, где находится судно и что вообще происходит на палубе.

Выйдя на корму, Астахов был, мягко говоря, немного озадачен увиденным. У открытой двери помещения аварийного дизель-генератора сидели на корточках несколько негров. У каждого в руках было по мешку, из которого они доставали пластиковые бутылки и передавали их Ромио, сидящему у расходной цистерны дизельного топлива для аварийного дизель-генератора.

От его действий у Астахов сразу встала перед глазами картина, когда они, молодые курсанты, точно так же стояли у бочки с пивом, а дородная тёща Злодея, его соседа по кубрику, с деловым видом, не обращая ни на кого внимания, наливала пиво в подставляемую тару.

А использовали курсанты тогда стеклянные банки различной вместимости и даже плафоны от люстр освещения. В плафоны вмещалось аж целых восемь литров. Злодеевская тёща молча поворачивала деревянную ручку бронзового краника, и из бочки в подставляемую тару вытекала янтарная пеннистая жидкость. Полная серьёзности тёща молча выполняла оную операцию, принимала деньги и выкрикивала:

– Следующий!

Примерно такая же картина предстала взору Астахова и сейчас.

Изображая из себя главного начальника, Ромио принимал у очередного негра пустую пластиковую полуторалитровую бутылку, поворачивал ручку бронзового дренажного крана под цистерной с дизельным топливом, и из него лилась светло-жёлтая, чистая, как слеза, жидкость. Разница была лишь только в том, что она не пенилась, да и Ромио кричал не «Следующий», а важно произносил: «Next».

Когда процесс наполнения бутылок заканчивался, Ромио их пересчитывал, а клиент вместо кошелька притаскивал ящик и рассчитывался бутылками с вином из расчёта две бу-

тылки дизельки за одну бутылку вина.

Процесс шёл полным ходом, о чём можно было судить по стопке ящичков с вином, возвышающихся за спиной Ромио и гряде корзин с фруктами рядом с входом в помещение аварийного дизеля-генератора.

Когда Астахов заглянул в дверь, то Ромио, ни на йоту не смутившись, так же важно продолжал выполнять процесс наполнения бутылок.

– Где второй механик? – поинтересовался у него Астахов.

– Пошёл на обед, – вежливо ответил Ромио, на секунду оторвавшись от очередной бутылки, и, подняв глаза на Астахова, добавил: – Сказал, что скоро придёт.

Астахов не стал ни кричать, ни возмущаться. Зачем? Процесс налажен. Дело идёт, а дизельного топлива у него было с десятков лишних тонн. Что-то больно круто «наэкономил» предыдущий стармех.

Астахов понятия не имел, куда его девать. Бункеровки происходили только в Европе, а там всё идёт по счётчику и до грамма. Это тебе не Персидский залив, где танкеристы дураят механиков при каждой бункеровке.

Игоря Астахов нашёл в кают-компании. Видать, они с ним разминулись. Тот спокойно обгладывал куриную ножку и заедал эту прелесть овощным салатом.

– Что там творится? – Астахов присел рядом с ним и кивнул головой на палубу.

– Да всё там нормально, – спокойно ответил Игорь, – Ро-

мио всё знает. Всё под его контролем. Ты, главное, Владимирыч, не беспокойся. Ромио не пролетит.

– Да я не про то, пролетит он или не пролетит, я про то, что я скажу капитану про этот бардак. – Астахов уже начал раздражаться от беспечности второго механика.

– А ничего не надо говорить. – Игорь с удивлением посмотрел на Астахова. – Он сам прекрасно знает обо всём, поэтому и не спускается сюда. Ему с мостика виднее, что у нас делается.

На его слова Астахов только пожал плечами: ну, если есть «добро» сверху, то что ему тогда волноваться, если несколько сотен литров дизельки будут обменяны на колониальные товары и фрукты, которые пойдут на нужды экипажа.

Но тут вопрос Игоря ещё больше удивил Астахова:

– Владимирыч, – как-то осторожно начал он, – а как ты посмотришь на то, что они привезут нам марлина?

– Чё за марлина? Кто привезёт? – не понял Астахов.

– Ну, рыба такая, марлин называется. – Игорь посмотрел на него как на круглого идиота. – Чё, ни разу не слышал о такой?

– Вообще-то, слышал, но никогда не видел, – честно признался Астахов. – Говорят, что они метра по два бывают.

– Ну, про два не знаю, – пожал плечами Игорь, – но обещают привезти метра на полтора. Только он мороженный. – И Игорь в ожидании решения стармеха выжидающе смотрел на него.

– Ну и чё надо сделать, чтобы нам привезли марлина? – усмехнулся Астахов.

– Они просят за него пять канистр дизельки, – поделился Игорь своими прежними разговорами с местными бизнесменами.

– Так дай им её, а мы попробуем, что такое этот марлин, – как само собой разумеющееся, разрешил Астахов.

«Если уж пошла такая пьянка, режь последний огурец», – подумал он при этом про себя.

– О'кей, так и сделаем, – подскочил из-за стола Игорь, бросив полуобглоданную ножку в тарелку, и чуть ли не бегом направился из кают-компания, но в дверях остановился: – Так ты выходи на палубу, – напомнил он Астахову, – полюбуешься на этого марлина, – и скрылся в коридоре.

«Ну и хитрец, – невольно подумал стармех, – он уже и тут всё провернул», – и пошёл в каюту за фотоаппаратом.

На корме в это время скопилось несколько аборигенов, о чём-то оживлённо ведущих беседу, но при появлении стармеха они замолкли.

У подошедшего матроса-филиппинца Астахов спросил:

– Чего это они замолчали? – на что тот рассмеялся:

– Они тебя, чиф, испугались. Ведь они здесь не каждый день белого человека видят.

Астахов подошёл к группке местных и попросил:

– Встаньте вот здесь, у борта, – показывая на то место, где бы он их хотел сфотографировать, но аборигены не сдвину-

лись с места и в недоумении смотрели на Астахова.

– Да они тебя не понимают, чиф, – рассмеялся матрос. – Они английского не знают. Они тут только по-португальски говорят.

– А ты знаешь португальский? – поинтересовался Астахов у матроса.

– Немного, – так же весело ответил он. – Вообще-то я знаю испанский, но смогу объяснить им, что тебе надо.

– Скажи им, что я хочу с ними сфотографироваться, – попросил Астахов матроса.

– О'кей, – согласился матрос и принялся объяснять оробевшим визитёрам, что хочет от них старший механик.

Поняв матроса, они, весело улыбаясь, позволили ему сделать несколько снимков, и с Астаховым в том числе.

Тут один из негров что-то принялся бурно говорить, суя в лицо Астахову пустую бутылку, а он, ничего не понимая, вновь посмотрел на матроса:

– Что ему надо?

– За то, что ты их сфотографировал, он просит налить ему бутылку дизельного топлива, – смеясь, объяснил он Астахову.

– Ладно, – тут же согласился тот, – давай свою бутылку, – и протянул руку к предлагаемой бутылке, но тут же и остальные участники фотосессии кинулись к нему с бутылками.

От такой наглости Астахов опешил и в недоумении смотрел на смеющихся Ромио и матроса.

– Чиф, – предупредил стармеха Ромио, – не соглашайся с ними, а то они тебе и канистру приволокут.

Но Астахов решил:

– Наполни им только три бутылки. Их шестеро, так что каждому из них будет по половинке, – приказал он Ромио.

– Есть, чиф, – согласно кивнул головой Ромио и принялся командовать обнаглевшими неграми, отчего те притихли и послушно выстроились в очередь перед дверью помещения аварийного дизель-генератора.

Но тут всю эту торговлю прервал появившийся Игорь:

– Владимирыч, да не обращай ты внимания на этих попрошайек, пошли лучше в ЦПУ, Серёга притащил туда марлина. Пошли сфотаемся.

Он схватил стармеха за рукав комбеза и потащил в ЦПУ, попутно объясняя:

– После отхода они с этими бутылками попрутся на базар и продадут их. Это у них тут самый популярный бизнес, и нас они используют как дойную корову.

Марлин и в самом деле был огромным. Правда, нос у него был отрублен.

Увидев недоумение Астахова, Игорь пояснил:

– Это рыбаки его на какие-то сувениры отрубили. Да нам он и ни к чему. Мы только мясо будем пробовать. Нос-то всё равно выкинем, – и предложил: – Становись, Владимирыч, сделаем фото на память.

Серёга уже подвесил к подволоку огромную связку бананов. Астахову вложили в руки замороженного марлина, и он, с трудом удерживая его в вертикальном положении, предстал перед объективом фотоаппарата.

Парни сделали несколько снимков и унесли рыбину в морозильную камеру, чтобы она в ЦПУ не разморозилась и не напиталась запахом машинного отделения.

Через пару часов выгрузка была закончена, машина подготовлена, и «Херм Кипе» вновь снялся в рейс.

Через пару дней повар разделал марлина и по просьбе Астахова дал ему внушительный кусочек, а тот его нарезал на слайды, обвалял в муке и обжарил в масле.

Со свежим картофельным пюре и овощами марлин оказался бесподобен, а если учесть, что на столе стояло ещё с десяток бутылок португальского вина, то можно было считать, что субботний ужин удался на славу.

07.10.2021

Ванкувер

«Оренбург» стоял на элеваторе в Северном Ванкувере. Швартовка закончилась несколько часов назад, главный двигатель ещё не остыл, и Иванов отпросился у стармеха сходиться на берег отдохнуть, а завтра начать профилактические работы после океанского перехода.

Группу для похода в город он собрал быстро, и теперь они, выйдя на причал, не спеша шли к парому, который доставит их на другую сторону бухты.

В группу он взял своего вахтенного моториста Алика и токаря Витю Грачёва. Ребята были проверенные, и если что и случится на берегу не так, то помполит об этом никогда не узнает.

С этими парнями у Иванова завязались дружеские отношения, а по-другому и быть не могло. Ведь все они делали одно дело. Заботились о главном двигателе. И только с их лёгкой руки он работал исправно и не подводил даже в самые жестокие шторма.

Один из них они только что пережили. Циклон настиг их у самых Алеут и пять суток швырял «Оренбург» как хотел. Но на пятые сутки судно вышло из зоны его действия, и последние несколько дней перед входом в залив Виктория прошли спокойно. Можно было прибраться в каюте, а на вахте не держаться за рычаг подачи топлива, чтобы быть готовым

в любую минуту скинуть обороты главного двигателя, если винт задерётся над волной.

А здесь, в Ванкувере, погода баловала. Несмотря на свинцовое, затянутое тяжёлыми облаками небо и небольшой ветерок, было относительно тепло. И это в конце ноября. В кожаной куртке и лёгком пуловере Иванову было комфортно.

По причалу независимо вышагивали толстые, важные гуси. Они на Иванова и его группу абсолютно не обращали внимания, а были заняты поисками зёрен пшеницы, рассыпанными то тут, то там.

– Это они тут отдыхают, чтобы продолжить перелёт на юг, да сил набираются, – пояснил Виктор, который был заядлым охотником.

Иванов с интересом смотрел на этих странников и, чтобы не отвлекать гусей от столь важного занятия, как подкрепление сил, обошёл их стороной.

За элеватором сразу начиналась дорога, которая выводила в городок. Ещё на мостике Иванов поинтересовался у старпома, как добраться до парома. И тот охотно показал ему кратчайший путь к паромной переправе на карте, а потом они пронаблюдали этот путь в бинокль.

В городке было тихо и спокойно. На центральной улице не наблюдалось никакого движения, а о том, что он обитаем, свидетельствовали лишь стоящие вдоль тротуаров редкие машины да мигающие светофоры.

Аккуратные домики прятались в палисадниках, а растущие вдоль дороги раскидистые клёны застилали опавшей листвой широкие тротуары. Их большие разноцветные листья были собраны с дороги в большие кучи.

Во Владивостоке дворники бы их сжигали и везде бы стоял дым от чадящих костров. Здесь же листья были собраны в аккуратные кучи, которые ожидали своей участи быть вывезенными за город. Поэтому, идя по тротуарам, Иванов наслаждался ароматом осени, прелых листьев, чистым воздухом и тишиной.

Разговаривать не хотелось, и они молча, лишь иногда перекидываясь замечаниями о полученных впечатлениях, шли к паромной переправе.

Торопиться не было особой необходимости. Паромы отходили от причала каждые пятнадцать минут и сновали через бухту, как челноки.

На паромчике было чисто и уютно. У причала он не задержался и, слегка задрожав от заработавшего двигателя, двинулся через бухту.

Иванов, устроившись в мягком кресле, посмотрел на Виктора.

– Вот бы нам такие на Мальцевскую переправу – мухой долетали бы из центра на Чуркин.

– Да, не говори, Дмитрич. Классно тут. Шума двигателя не слышно, тепло, кондёр работает, что ещё надо. Не то что

у нас. Холодрыга зимой, потеешь летом, да на скамейках зад отобьёшь, – с сожалением ответил тот.

Но наслаждаться комфортом паромчика долго не пришлось. Он вновь оказался у причала, и пассажирам пришлось выходить. Стоянка была не больше трёх минут.

Выходя из парома на причал, Иванов посочувствовал его экипажу:

– Всё-то у них тут хорошо, но с такой интенсивностью работы могут справиться только роботы, нормальный человек тут через месяц кукукнется.

– Это точно, – поддержал его Алик. – Тут некогда даже масло проверить в двигателе, не то что какой ремонт сделать.

– Видать, надёжная у них техника, если при такой работе не ломается, – сделал своё заключение Иванов и цокнул языком. – Нам бы такую.

После тепла салона парома на причале было промозгло и зябко, и Иванов, невольно поплотнее застегнув куртку, командовал парням:

– Ну что? Двинулись на разграбление капиталистического мира?

– Ага, – саркастически ухмыльнулся Алик, – с нашими-то шишами как раз только грабить его и осталось.

Он был прав. Денег было выдано почти за месяц. Их, этих подфлажных, в кармане было негусто. Если Иванову, как второму механику, выдали чуть больше сотни канадских долларов, то у парней было и того меньше. Подфлажные вы-

давались из расчёта оклада и количества дней, проведённых судном за границей СССР, согласно инструкции валютнофинансового отдела пароходства. Особый упор в этой инструкции был сделан на то, чтобы выдаваемая валюта тратилась моряками на их культурные нужды в портах захода.

Но задачей моряков было не посещение выставок и культурного времяпровождения на территории капиталистического государства, на что выдавались подфлажные, а покупка тех товаров, которые в СССР полностью отсутствовали или были в дефиците.

Поэтому парни сразу же двинулись проторённым маршрутом к универмагу «Вудвард».

Пройдя мимо железнодорожного вокзала, на площади которого мирно попыхивали паром знаменитые часы, они вышли на желанную улицу, к знакомому всем морякам магазину.

Сделав покупки, они вышли на улицу. Солнце прогрело осенний воздух, и было уже не так прохладно, как утром, и на улицах царила обычная суета большого города. Мелькали машины, куда-то спешили люди. До конца увольнения оставалось ещё несколько часов. Надо было их как-то провести. На судно возвращаться не хотелось.

– Ну, что будем делать? – Иванов с интересом осмотрел своих компаньонов.

– Пошли сначала в «Тормоз», а потом в «Апельсин» – чё тут зря шараться да глазеть на витрины? – решительно за-

явил Виктор. – Денег почти не осталось, – Виктор похлопал себя по карманам, – но на пару кружек пива ещё есть.

– И это правильно, – поддержал его Алик, – мне пацаны заказ сделали. У ГЭСа через неделю день рождения, а мы уже в море будем. Капитан же ничего не даст, – усмехнулся он.

– Эт точно, – согласился с ним Виктор, – а то ещё и помпе заложит – тогда вообще не расхлебаешь. Тыс этим, – он щёлкнул себя пальцем по горлу, – будь поосторожней. Если, не дай бог, ещё и начальнику рации попадётся, то тогда всё – кранты. Тот моментом вложит.

– А чё так? – не понял его Алик.

– А то, что капитан, помпа и начальник работают вместе почитай с постройки, без малого лет двадцать, многих они схарчили, а кто вовремя слинял, тот только цел и остался. На нас-то, рядовых, они особого внимания не обращают, а вот командирам приходится посложнее. – И Виктор сочувственно посмотрел на Иванова.

– Да знаю я всё это, – махнул рукой Иванов, – не мальчик. Мне мой сменщик всё рассказал. Но в «Тормоз» и «Жёлтый апельсин» обязательно зайдём. – И, махнув рукой парням, пошёл в нужном направлении.

Центр Ванкувера Иванов знал хорошо и где располагаются злачные места, усвоил досконально. В своё время он на контейнеровозе много раз бывал здесь, и эмигранты, которые в то время были их частыми гостями, провезли его по

этим местам.

Серёга попросил его купить «смирновочку», а жена заказала ликёр фирмы Bols – Cherry Brandy или Blue Curacao.

В «Альбатросе» эти ликёры тоже можно было купить, но они там стоили раза в три дороже и продавались за чеки ВТБ, а чеков у Иванова не было, он получал подфлажные всегда валютой. Чеки выдавались только тем, кто заходил в социалистические страны, или за специфичные работы, такие как зачистка трюмов, где могли бы использоваться иностранные рабочие, а если наши моряки выполняли за них эту работу, то она им оплачивалась чеками ВТБ. Правда, эти работы оплачивалась морякам по намно-о-ого меньшим ставкам, чем у иностранных рабочих. Пароходство таким образом экономило валюту, а моряки имели возможность отовариваться в сети магазинов «Альбатрос».

После «Тормоза» парни сразу же прошли в «Жёлтый апельсин», который встретил их полутёмным залом и громкой музыкой.

Посетителей в зале было немного, и встретивший моряков высокий парень в форме провёл их к одному из свободных столиков, откуда была хорошо видна сцена, на которой сейчас крутилась у шеста какая-то девица.

Девица под ритмичную музыку раздевалась, а к концу музыкальной композиции скинула последний лепесток одежды с бёдер и исчезла за кулисами. Минут через пять вышла не менее роскошная дамочка, и история с раздеванием повто-

рилась.

Пиво парням принесли сразу. Оно оказалось очень вкусным, свежим и насыщенным. Большая пенная шапка украшала каждую кружку, и поэтому, чтобы сделать первый глоток, надо было осторожно сдуть её и, глубоко опустив губы в остатки пены, попробовать живительное содержимое кружки.

Не успели парни выпить и по половине кружки, как в зале появились третий помощник, радист и матрос с «Оренбурга», которые устроились невдалеке от них.

Из-за громкой музыки было невозможно перекинуться с ними даже парой слов, поэтому, помахав парням рукой, Иванов продолжил рассматривать извивающихся девиц на сцене.

Неожиданно к очередной девице, которая выдавала «па» у шеста, подошёл экстравагантно одетый мужичок в роскошной ковбойской шляпе. Он что-то принялся объяснять девице, а после недолгих объяснений устроился за близлежащим столом и, потягивая пиво, без эмоций смотрел на сцену, пока девица не закончила обработку шеста и, махнув лоскутком, оставшимся от одежды, исчезла за кулисами.

Через некоторое время она выскользнула из-за кулис и устроилась с этим мужичком за столиком. А чуть позже они, как влюблённая парочка, в обнимку вместе покинули бар.

– Так чё? – удивился совершившимся на его глазах действиям Алик. – Он её снял, что ли? – и в недоумении уста-

вился на Виктора.

– Да и ты можешь снять, – пожал плечами Виктор, – были бы бабки.

– И сколько надо? – сразу заинтересовался Алик.

– Точно не знаю, – скривил губы Виктор, – но у тебя столько не будет, – покачал он головой и усмехнулся.

– Ну сколько? – не отставал от него Алик.

– Может, пятьдесят, а может, и семьдесят баксов, да ещё и отель, – выдал Виктор.

– Но я тебе не советую этого делать.

– А что так? – не понял его Алик.

– Помполит тебя не поймёт. – И рассмеялся своей шутке.

Парни заказали ещё по кружке пива, и Иванов, уже без прежнего интереса к сцене, начал разглядывать зал.

Интересующийся девицами народ сидел вокруг сцены и всячески подбадривал вихляющихся девиц, а те, кто пришёл поговорить или просто провести время, как они, были скрыты в глубине полутёмного зала.

Через стол от них сидели третий помощник с радистом и матросом. Они так же, как и Иванов, наблюдали за действиями на сцене и потягивали пиво.

Неожиданно к ним подошла какая-то девица и о чём-то с ними заговорила. А так как в зале стоял такой грохот от музыки, что шум машинного отделения с работающим главным двигателем ему и в подмётки не годился, то девица низко наклонялась то к третьему помощнику, то к радисту, что-

то говорила им и даже смеялась.

В конце концов она устроилась с ними за столом, парни заказали ей пиво, и она продолжала оживлённо с ними о чём-то беседовать.

Иванов постоянно поглядывал на часы. Время увольнения заканчивалось, надо было возвращаться на судно. Виктор с Аликом его поняли без слов, быстро допив пиво, а за столом третьего помощника беседа бурно продолжалась.

Иванов встал из-за стола и подошёл к столу третьего помощника.

– Юра! – перекрикивая музыку, обратился он к третьему помощнику. – Время уходить, – и постучал пальцем по наручным часам.

– Да знаю я, – отмахнулся от него третий. – Щас допьём и пойдём. Не переживай.

– Смотри. Это твоё дело. Но помполит не любит, когда опаздывают. Проблемы наживёшь.

Но третий вновь отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Иванов пожал плечами и, махнув своим парням рукой, пошёл к выходу.

Они вновь пересекли бухту на пароме, а когда сходили с него, то Иванов увидел в группе третьего ту же самую девушку, что сидела с ними в баре за столом. Она что-то увлечённо рассказывала парням, и те весело смеялись от её рассказов.

Иванов такими действиями девушки был удивлён. Обычно парни пудрят девкам мозги, а тут всё происходило совсем

наоборот.

Но это было не его дело – лезть с советами к молодым парням. У них на это были свои планы. А у Иванова была только одна задача: привести группу в здравии на судно, доложиться помполиту, ну а потом они уже сядут с Серёгой и в спокойной обстановочке попробуют знаменитую канадскую «смирновочку».

Придя на судно, Иванов с парнями прошёл в столовую команды, где сидел вахтенный помощник с журналом для увольняемых, и они расписались в нём, зафиксировав своё прибытие на борт.

Алик с Виктором ушли к себе, а Иванов позвонил помполиту и доложил о прибытии. Ответив на пару незначительных вопросов, он попал в сети любопытных женщин. Они завтра собирались в город и накинулись на него с вопросами, что где и как стоит и вообще есть ли смысл им идти и тратиться в городе или лучше подождать следующего рейса, когда денег у них будет больше.

Отделавшись от слабой, но любопытной части судового экипажа, Иванов поднялся к своей каюте.

Не успел он раздеться, как к нему заглянул Серёга, который с порога начал спрашивать, как они провели время на берегу. Главным вопросом был:

– Ну что, купил?

– Конечно, – якобы безразлично пожал плечами Иванов и на последующий вопрос своего друга:

– Где? – только кивнул головой на пакеты, сваленные на диване.

– Доставай, – нетерпеливо потребовал Серёга, а когда Иванов выудил из пакета заветную бутылочку и передал её ему, потребовал: – Хорош базланить, пошли ко мне. Я уже всё приготовил, – и, осторожно приоткрыв дверь, выглянул в коридор. – Никого. – Он воровато оглянулся на Иванова и шёпотом продолжил: – У меня всё готово. Давай переодевайся и заходи.

И, завернув бутылку в один из пакетов, выскользнул из каюты.

Иванов, подчиняясь желаниям своего друга, быстро ополоснулся, переделся и вышел в коридор.

Подойдя к двери третьего механика, он осторожно простучал в неё: «Дай, дай закурить», – и добавил три контрольных удара. Этот «засекреченный» стук обозначал, что в каюту никто чужой не ломится, а стучится свой.

Пока Серёга открывал дверь, Иванов осмотрелся. Рядом с Серёгиной каютой находилась каюта радиста, из которой, несмотря на закрытую дверь, неслась громоподобная музыка, от которой даже дверь каюты вибрировала, как мембрана.

«Ну и идиот, – невольно подумалось Иванову. – Сейчас же помпа прибежит да раздолбает его». Но тут дверь Серёгиной каюты открылась, и он молча проскользнул в неё.

– Чего это? – Иванов кивнул головой в сторону каюты радиста. – Радист вообще чокнулся?

– Да кто его знает, балбеса? – пожал плечами Серёга. – Молодой ещё, наверное, не понял, куда он попал, – но тут же прервал сам себя: – Ты садись, не обращай внимания. Его музон нам не помешает, – и хмыкнул: – Свой не надо будет врубать. Нам же лучше.

Стол у Серёги и в самом деле был накрыт достойным образом. Тонко нарезанный сервелат, чуть ли не слезящиеся слайды сыра, уложенные в отдельную хрустальную тарелочку. Буженина! Болгарские огурчики и помидорчики. И в завершение этого натюрморта в середине стола стояла фарфоровая тарелка с тонко нарезанным салом, обложенным по краям пластинками лука и дольками чеснока.

В каюте витал аромат этих невероятных деликатесов.

Увидев растерянность Иванова, Серёга похлопал его по плечу:

– Давно хотел так посидеть, а сегодня сам бог велел. День рождения мамани моей.

– Как ты всё это сохранил? – показал Иванов на хрустальные тарелочки и рюмки, усаживаясь в кресло напротив столика с яствами. – Ведь такой штормяга был. У меня так половина посуды переколотилась.

– Уметь надо, – гордо хмыкнул Серёга и, открыв бутылку, нацедил из неё в рюмочки.

– Молодец, – похвалил его Иванов. – А я всё думаю, чего это тебе приспичило бутылку заказать? Теперь врубился. Ну, что? – Он поднял небольшую хрустальную рюмку. – За день

рождения! Вот за что всегда можно выпить, так это за наших матерей. Чем больше живу, тем острее понимаю, сколько же горя и забот доставил я своей мамане. А она... Святая женщина. Она, несмотря на всё это, так же беззаветно любит меня. Иной раз так хочется бухнуться к ней в ножки и поблагодарить за всю любовь и теплоту, которой она одарила меня. – Он посмотрел на внимательно слушающего его Серёгу. – Давай выпьем за них, за наших матерей.

– Давай, – сглотнув, глухо проговорил Серёга, и они, слегка прикоснувшись краешками рюмок, чтобы избежать трезвона хрусталя, выпили.

Музыка за переборкой не мешала им разговаривать. Они вспоминали детство, свои проказы, отношение матерей к ним, своим сыновьям, их заботу и становление своё как мужчин.

Неожиданно в коридоре раздались громкие голоса, почти переходящие в крики.

Прислушавшись к ним, Иванов недовольно сделал вывод: – Кажись, помпа. Что-то разбушевался. Чё он там орёт? Чё ему там надо?

– По-моему, он в каюту радиста долбится, – прислушавшись к крикам, решил Серёга. – Дай-ка я посмотрю, может, чего помочь надо?

– Не вздумай, сиди спокойно. Они там, наверное, нажрались и выступают. Видел я их в баре. Да они ещё местную бабу какую-то там обхаживали, – попытался усмирить оза-

боченного Серёгу Иванов.

Но тот его не послушал, поднялся из-за стола, убрал бутылку в холодильник, а рюмки в шкаф и открыл дверь в коридор.

Из коридора, несмотря на грохот музыки из каюты радиста, неслись вопли помполита:

– Откройте дверь немедленно! Вы что там заперлись? Почему не открываете? Я требую немедленно открыть дверь!

Каждый такой истеричный возглас сопровождался стуком кулаков о дверь.

«Ну всё, – подумал Иванов, – хана радисту». И он, поднявшись с кресла, выглянул в коридор вслед за Серёгой.

Помполит стоял перед дверью радиста и долбил в неё кулаками, а за его спиной Иванов увидел хитрую физиономию начальника рации.

«А, – проскользнула у него мысль, – корефанчик заложил...»

Но тут звуки музыки из каюты прекратились и дверь открылась. Помполит, сметая всё на своём пути, ринулся в каюту. Иванов вышел в коридор и заглянул в каюту радиста.

Первое, что бросилось ему в глаза, так это испуганные глаза девицы, которую он видел в баре и которая весело что-то рассказывала третьему помощнику и радисту. Она сидела за столом, аккуратно одетая, причёска не растрёпана, в джинсах, свитере, а куртка её лежала на краю кровати, задёрнутой шторкой. Иванову даже показалось, что она сняла её совсем

недавно, потому что в каюте было относительно тепло.

На столе стояли бутылка ликёра Cherry Brandy, пара ополовиненных стопочек и тарелка с нарезанными яблоками. Над столом на полке, которую радист недавно сам смастерил, стоял предмет его гордости – двухкассетный магнитофон, который сейчас был выключен.

Радист стоял по другую сторону стола и также в недоумении смотрел на беснующегося помполита.

– Почему посторонние на судне? Почему вы привели постороннюю женщину? Почему вы устраиваете распитие спиртных напитков за закрытыми дверями с иностранными гражданами? Почему вы не открываете двери, несмотря на мои требования? – только и были слышны его истеричные вопли.

– Пошли-ка мы отсюда подальше, – тихо потянул Иванова за рукав рубашки Серёга. – С радистом всё понятно. Кранты ему. Помпе надо будет, он сам тебя вызовет, а то смотри, как бы его корефанчик чего не разнюхал да на нас не капнул. Нечего здесь отсвечивать.

И они, вернувшись к Серёге в каюту, вновь заперлись.

Настроение было напрочь испорчено. Праздничное ощущение в душе пропало, и, выпив по полстакана, Иванов вернулся к себе в каюту.

Во Владивостоке радиста списали, долго мурыжили по всяческим комиссиям и в конце концов закрыли визу и от-

правили на ледокол. Радист, как молодой специалист после окончания мореходки, должен был отработать три года в пароходстве, что он и сделал. А потом, как слышал от кого-то Иванов, списался с ледокола и уехал к себе в Новороссийск.

Третьему помощнику тоже досталось. Его без закрытия визы отправили на год на один из «броненосцев», который зимой ходил на Магадан, а летом в полярку.

31.10.2021

Акула

«Оренбург» уже две недели шёл через Тихий океан к Панамскому каналу.

Капитан не пошёл по дуге Большого круга, а, обойдя Японию с юга, спустился к двадцатой параллели, чтобы избежать зимних штормов у Камчатки и Алеут. Поэтому погода баловала «Оренбург». Океан был тих, как усмирённая красавица, и только валы океанской зыби слегка раскачивали его.

Иванов, как обычно, заступил на дневную вахту в двенадцать часов. Обойдя главный двигатель и машинное отделение при приёмке вахты, он обнаружил, что на двух цилиндрах температура выхлопных газов по сравнению с его утренней вахтой поднялась градусов на двадцать.

После ухода четвёртого механика он вновь поднялся к крышкам цилиндров и осмотрел термометры, проверил работу выхлопных клапанов и ощупал подвижные детали. Вроде бы всё было в порядке, но эта разница в температурах не давала ему покоя.

Пока он связывал это поднятие только с тропиками. Ведь в машинном отделении температура тоже поднялась на двадцать градусов по сравнению с той, при которой они отходили из Находки. Там и в порту было минус десять с ветерком, а здесь днём температура наружного воздуха подбиралась к тридцати. Кондиционер работал исправно, так что в каютах

можно было с комфортом отдыхать.

Зато в машинном отделении в некоторых местах температура переваливала за сорок, даже несмотря на полностью работающую вдувную вентиляцию. А так как ЦПУ в машинном отделении не было, то на вахте приходилось изрядно потеть.

Осмотрев клапана, Иванов спустился к посту управления главным двигателем и устроился на пожарном ящике с песком под струями вдувного вентилятора. Так было намного легче.

Он просмотрел машинный журнал и по записям механиков увидел, что температура выхлопных газов на этих двух цилиндрах час от часу поднималась. Это его ещё больше озадачило, но он решил подождать ещё час.

Рабочая бригада на работу вышла вовремя.

Иванов у поста управления оставил вместо себя вахтенного моториста, а сам поднялся в токарку.

В бригаде было четыре человека. Токарь Витя Горбунов, сварщик Миша Луков, моторист первого класса Саша Шайдуров и моторист второго класса Васька, который только недавно выпустился из «шмоньки», опыта работы никакого не имел, но чьей-то «волосатой» лапой был направлен на «Оренбург». Иванов старался ответственными работами его не нагружать, чтобы тот чего не натворил. Потому что с такими «специалистами» ему в своё время очень плотно пришлось столкнуться, да и себя он частенько вспоминал, когда

был точно в таком же возрасте.

В токарке было не так жарко и шумно, как в самом машинном отделении, поэтому Иванов подошёл к парням и, уже не напрягая голоса, посетовал:

– Что-то температура на третьем и шестом поднялась, кабы чего не случилось. Ведь мы на них поставили сёдла после наплавки находкинским заводом.

– Да не бери ты в голову, – начал успокаивать его Миша, – всё с клапанами нормально. Это от общей температуры машины они поднялись. Я сейчас пойду и принесу дополнительные дуйки, так она там сразу упадёт.

– Вряд ли она от этого упадёт, – покачал головой Иванов. – Если бы от общей температуры, тогда бы и на всех остальных цилиндрах поднялась, а то только на двух, и именно на тех, где наплавленные сёдла стоят. Если фирменные сёдла выдерживают по пять тысяч часов и больше, то на эти завод давал гарантию только на две тысячи. А на самом деле это, я так думаю, намно-о-ого меньше.

– Да, – Миша почесал в затылке, – экономит пароходство на всём.

– Тогда ты не трать время на дуйки, – уже приказал Иванов сварщику, как самому опытному в ремонтной бригаде, – а займись подготовкой запасных клапанов. Кто его знает, что может случиться.

– Да ничего не случится, – махнул рукой Миша. – Пойдём посмотрим, а то я сегодня что-то не ходил на крышки.

– Тогда пошли, сам посмотришь, может, я и в самом деле панику развожу. – И, махнув рукой, Иванов позвал Мишу и Виктора за собой.

Они спустились из токарки к платформе крышек главного двигателя и начали осмотр цилиндров. На подозрительных цилиндрах температура поднялась ещё на десять градусов.

Увидев такую картину, Иванов ткнул пальцем в сторону термометров и прокричал Мише:

– А ты мне тут мозги втирал, что из-за общей температуры!

Увидев, что второй механик прав, Миша виновато прокричал в ответ:

– Ты был прав, Дмитрич, прогорели клапана.

– Тогда я пошёл докладывать деду, а вы идите и готовьте на замену два клапана.

– Сразу два менять будем? – прокричал Миша.

Утвердительно кивнув головой, Иванов спустился к посту управления, где под струями вентилятора «балдел» Алик.

– Иди помогай Мише готовить клапана на замену, – приказал ему Иванов, а сам зашёл в телефонную будку и набрал номер старшего механика.

Хоть у деда и был «адмиральский час», но поднимать его было надо.

Виктор Иванович был на редкость спокойным и рассудительным человеком. Даже несмотря на любые экстремальные ситуации, которые случались на судне, вывести его из равно-

веса было невозможно. Он никогда не кричал и никогда не повышал голос на своих подчинённых, всегда был спокоен и вежлив с ними и требовал того же от остальных механиков.

Спустившись в машину, дед осмотрел крышки цилиндров и сразу позвонил на мостик. Иванову стало понятно, что дед просит разрешения на вывод главного двигателя из режима полного хода.

Вскоре разрешение было получено, и через час Иванов вывел главный двигатель из режима.

Двигатель ещё немного поработал на малых оборотах, и дед скомандовал Иванову:

– Глуши кормильца.

Иванов поставил ручку топливной рукоятки на ноль, а телеграф на «Стоп». С мостика подтвердили команду, и сразу же зазвонил телефон. Дед зашёл в будку и что-то долго объяснял кому-то – наверное, капитану.

Выйдя из будки, он обтёр пот со лба и подошёл к Иванову.

– Сколько времени понадобится на замену? – тревожно поинтересовался он.

– Часа полтора, а может, меньше, – пожал плечами Иванов. – Клапана в Находке меняли, они не успели пригореть, так что за час или чуть больше справимся.

– Я так мастеру и сказал, – согласно кивнул головой дед. – Так что начинайте.

– Добро, – подтвердил Иванов, что понял постановку вопроса, и поднялся на верхние решётки.

Токарь со сварщиком за то время, пока Иванов выводил главный двигатель из режима, уже подготовили для замены клапана и весь инструмент.

– Нам дали полтора часа, – проинформировал их Иванов, – так что Муму за хвост тянуть не будем, давайте начинать.

На мостик поднялся помполит.

– А, Валерий Павлович! – обратился к нему капитан. – Ты проходи, проходи. Посмотри, какая красота кругом. – Он указал рукой на безбрежную гладь океана. – Ты вот что сделай. – Он уже серьёзнее посмотрел на помполита. – Организуй-ка купание экипажа, пока в машине идёт ремонт.

Помполит в недоумении посмотрел на капитана, который находился в благодушном состоянии.

– Как, здесь? В открытом океане? – нерешительно спросил он.

– А что? – капитан с интересом посмотрел на помполита. – Не хочешь, что ли, испугнуться?

– Организовать-то можно, – колебался помполит, – но купаться боязно как-то... Да и глубина здесь немереная...

– Да что тебе та глубина? – перебил его капитан и рассмеялся. – Мы нырять за ракушками не будем, мы тут только у трапа побултыхаемся, пока механики ремонт на главном делают. Да и я нырну пару разков, – заявил он, расправив плечи.

Капитану хоть и было далеко за шестьдесят, но он был

бодр, здоров, крепок, и не каждый сорокалетний мужик мог потягаться с ним силой.

Настроение у капитана сегодня было отличное. Он всем улыбался и шутил, поэтому помполит не стал с ним спорить, а только спросил:

– Что, можно сделать объявление по трансляции?

– Делай, делай, – благодушно разрешил капитан, – а я пока пойду переоденусь. Да, – он нашёл глазами старпома, – Александр Иванович, скажи боцману, чтобы он трап вооружил, – и покинул мостик.

Желающие искупаться собрались у трапа правого борта. А что бы их не оказалось? Ведь капитан разрешил палубной команде прекратить на сегодня все работы и купаться. Не отказались от такой процедуры и женщины.

Боцман быстро вооружил трап, вахтенный матрос смайнал его до воды, и народ строем повалил в воду.

От трапа далеко никто не отплывал, только новый радист изображал из себя суперпловца. То он кролем доплывал до форштевня, то баттерфляем удалялся от судна чуть ли не на сто метров, и только голос старпома, усиленный громкоговорителем наружной связи, вернул его назад.

Час, в течение которого производился ремонт, пролетел быстро, и старпом громко объявил:

– Купание завершается. Всему экипажу выйти из воды и подняться на борт судна. Сейчас будет производиться проворачивание главного двигателя.

Ребята в экипаже оказались послушными, ведь никому же не хотелось попасть под работающий винт. Все дружно подплыли к трапу и поднялись на борт. Только один радист всё бултыхался у самой площадки трапа, не желая выходить из воды.

Старпом вновь грозно сделал объявление:

– Вадик, а тебе что, особое приглашение нужно? Быстро поднялся на борт.

Радист не спеша подплыл на спинке к трапу и, зацепившись за него руками, отработывал упражнение ногами. За ним при таком упражнении поднялся даже бурун волн, почти такой же, как и кильватерная струя «Оренбурга». Чувствовалось, что у него нет никакого желания взбираться на трап.

А вода была божественна. Тёплая, прозрачная, изумрудного цвета. Сквозь её толщу просматривался на много метров в глубину борт судна, и на нём даже были видны все его изъяны. Ветра не было, и гладь воды была как бы продолжением зеркала, и только небольшая океанская зыбь то заливала нижнюю площадку трапа, то вяло стекала с неё.

Но старпом начал терять терпение, тем более что на мостик уже пришёл капитан и стармех из машины доложил, что ремонт закончен и главный двигатель готов к проворачиванию.

– Радисту немедленно выйти из воды и подняться на борт! – в который раз прозвучал над гладью океана громопо-

добный голос старпома и, не выдержав официального тона, он пообещал расшалившемуся радисту, что с ним разделяются самым жестоким образом все женщины лёгкого поведения со всех близлежащих островов Тихого океана.

Тут до радиста в конце концов дошло, что он задерживает судно, и он вылез на нижнюю площадку трапа. Прыгая на ней в попытках вытряхнуть воду из ушей, Вадик не спешил подниматься на борт.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Откуда-то из океанских глубин к судну начала приближаться огромная тень.

Те, кто остался у трапа, свесились через фальшборт и смотрели на разбаловавшегося радиста, отпуская в его адрес нелестные шутки, но когда тень начала приближаться к борту, то хором заорали:

– Вадик! Вадик!!! Вали быстрее оттуда! Смотри! – На этом словарь русского языка у наблюдающих заканчивался и шли одни только идиоматические выражения.

С площадки трапа Вадик не мог разглядеть того, что видели наблюдатели с борта, но под воздействием истеричных воплей он быстрее молнии взлетел по трапу на борт и уставился на приближающуюся тень.

Тень медленно приблизилась к трапу, и неожиданно у самой поверхности воды показалось громадное тело неизвестной рыбы тёмно-серого цвета с белыми пятнами.

Хотя морской гигант и не показался над водой, но вода

у трапа забурился, вздыбилась и большая волна захлестнула нижнюю площадку трапа, на которой несколько секунд назад прыгал радист.

Вадик, блее, чем недавно покрашенные переборки надстройки, молча стоял, разинув рот, и смотрел на то место, где он только что показывал фортели суперзаплывов.

– Кажись, твой корефан пожаловал, – съязвил боцман, смеясь и поглядывая на обалдевшего радиста. – Иди поздоровайся с ним. Или слабо?

– Да пошёл ты... – Радист разразился нервными выражениями, ничего общего не имеющими с русским языком, но матросы, видя, что опасность миновала, принялись хохотать над главным пловцом судна.

Вскоре машина была запущена, и судно возобновило свой путь по направлению к Панамскому каналу.

А когда через пару недель оно подошло к нему, то капитан вновь устроил купание у трапа. Радиста на этом мероприятии и близко не было видно.

07.11.2021

«Санта-Лючия»

Иванов сделал последний реверс и внимательно смотрел на телеграф в ожидании, последуют ли ещё команды с мостика. Но прошло минут пятнадцать, а команд больше не поступало. Это означало, что швартовка в Сьенфуэгосе закончилась и палубная команда сейчас занята заведением последних концов.

Стармех нервно дефилировал за его спиной, опасаясь далеко отходить от конторки, на которой был разложен машинный журнал, где записывались реверсы.

Раздался звонок телефона, и дед, подойдя к нему, поплотнее приложил трубку к уху, а другое прикрыл наушником.

ЦПУ на «Оренбурге» не было, и ходовую вахту приходилось нести в машинном отделении, около поста управления главным двигателем.

К шуму машинного отделения Иванов уже привык и иной раз, особенно в тропиках, когда присаживался на пожарный ящик с песком под струями машинной вентиляции, под равномерное «уханье» поршней главного двигателя ловил себя на том, что начинает дремать.

За месячный переход от Находки такой режим работы стал обычным, и на шум работы главного двигателя он уже особого внимания не обращал. Работает себе главный, да и пусть работает. Знай себе следи за его температурами да

чтобы мотористы вовремя смазывали коромысла выхлопных клапанов и протирали подтёки масла.

Зато сейчас, когда главный двигатель был не в работе, в машине зависла какая-то непривычная тишина, которую разбавляло только тарахтение динамоков.

Положив трубку телефона, стармех подошёл к Иванову и громко сказал (но не прокричал на ухо, как на ходу):

– Всё, отбой. – Скрестив руки. – Готовность один час. Я пошёл.

И, махнув второму механику на прощанье рукой, начал подниматься по трапу, ведущему наверх.

К Иванову подошёл Алик, который периодически во время манёвров подходил к посту управления, чтобы проконтролировать температуру охлаждающей воды и масла на главном двигателе.

– Отбой, Алик, – ответил Иванов на его вопросительный взгляд.

Его вахтенный моторист был не очень разговорчивым, он понимал своего механика и без особых приказаний. Дело своё он знал отлично. Иванову всегда с ним на вахте было спокойно. Он знал, что тот никогда не подведёт и лишних напоминаний о мелочах ему делать не надо.

Алик кивнул головой в знак того, что всё понял, и поднялся на верхние решётки, чтобы закрыть пусковой воздух и открыть индикаторные краны.

Иванов же на конторке закончил заполнение машинного

журнала, переписав в него информацию из черного журнала.

Алик спустился, подсоединил валоповоротку и подошёл ко второму механику, ожидая приказаний по стояночной вахте.

– Через час останови главные насосы и динамку, – напомнил он ему, хотя этого говорить было и не надо. Алик знал, что от него требуется, – а я пойду посмотрю, где мы там встали.

И, прихватив машинный журнал, пошёл вверх по трапам.

Если учесть, что каюта второго механика находилась на третьей палубе, то ему пришлось преодолеть восемь трапов. Но энергии у Иванова было хоть отбавляй, поэтому он без труда их преодолел и, открыв «броняшку» на своей палубе, вышел в коридор. Крайняя каюта была его.

По сравнению с машинным отделением в каюте было прохладно. Кондиционер добросовестно охлаждал помещения надстройки, а притушенный свет создавал мягкий полумрак.

Сполоснув руки и лицо, Иванов вышел в коридор и спустился на главную палубу.

Несмотря на своё тропическое расположение, остров Свободы жарой в эту февральскую ночь не баловал. Было прохладно, отчего Иванов даже поёжился. Привык он за последний месяц к жаре. Если днём температура воздуха достигала двадцати пяти градусов и выше, то сейчас было точно ниже двадцати.

Невольно подумалось: «Как бы кондиционер не обмёрз», – но он тут же откинул от себя эту мысль и, перегнувшись через фальшборт, принялся осматривать причал, возле которого ошвартовался «Оренбург».

Причал был пустой. Только где-то вддали у высокого забора были навалены какие-то кучи мусора, но разглядеть, что там находилось, в темноте ночи было невозможно. Сам причал освещался яркими прожекторами, установленным на высоких столбах, поэтому рядом с бортом было светло, как днём.

На палубе никого не было. Вахтенный матрос на причале заканчивал подвязывать сетку безопасности под парадным трапом.

Иванов спустился на причал и перекинулся несколькими фразами с вахтенным, но тот был занят своими делами и желания поговорить у него не возникло, тогда Иванов поинтересовался:

– А по носу у нас кто стоит?

– Похоже, банановоз, – нехотя ответил вахтенный. – Когда швартовались, я с бака видел, как там грузили или выгружали ящики на паллетах.

– А какой его порт приписки? – не отставал Иванов от матроса, ему захотелось узнать, советский это пароход или нет. А если советский, то на нём можно было познакомиться с кем-нибудь или просто поговорить с коллегами.

– Да я как-то не обратил на это внимания, – недовольно

ответил матрос, – не до этого было. Но что не наш, так это точно.

Иванов с интересом посмотрел вперёд, но разглядеть ничего не смог. В районе банановоза освещение было не таким ярким, как возле «Оренбурга».

– Пойду-ка я посмотрю, что они там грузят, – вслух выразил он свои мысли.

– Сходи, – безразлично пожал плечами матрос и, закончив обвязку трапа, пошёл на борт.

До четырёх утра всё равно делать было нечего, и Иванов, чтобы удовлетворить собственное любопытство, пошёл к впередистоящему судну.

Это был и в самом деле банановоз. Он стоял к «Оренбургу» кормой, поэтому Иванов прочитал, что порт его приписки – Панама, так что ничего интересного для себя он на нём бы не нашёл, даже если бы и поднялся на борт судна.

Отойдя от причальной линии, он осмотрел банановоз со стороны. Даже с первого взгляда было ясно, что ему лет тридцать. На бортах выделялся чуть ли не каждый шпангоут, как рёбра у голодной бездомной собаки, и на них сквозь белую краску яркими рыжими пятнами проступали следы ржавчины. Надстройка имела такой же неприглядный вид. Судно разительно отличалось от «Оренбурга», у которого борта, даже несмотря на последний длительный переход, отливали чернью, а надстройка – та вообще сверкала белизной.

На расстоянии метров в тридцать Иванов прошёл вдоль

всего корпуса банановоза и развернулся, чтобы вернуться на судно. Любопытство своё он удовлетворил.

Проходя мимо второго трюма банановоза, напротив которого стояло много паллет с готовыми к погрузке ящиками, он неожиданно услышал окрик:

– Комарад! – на который обернулся.

Невольно что-то ёкнуло в груди от осознания того, что он что-то нарушил в портовских правилах и теперь не оберётся проблем.

На него смотрели два внушительного вида мужика в спецовках. Наверное, это были грузчики, но так как в погрузке был перерыв, то они стояли, прислонившись к одной из стопок ящиков, и поэтому Иванов их не увидел.

От души отлегло. «Хорошо, что не полиция», – подумалось ему.

Мужики были настроены доброжелательно и приветливо улыбались, подзывая к себе жестами. Иванов подошёл к ним, поприветствовав жестом руки, согнутой в локте и сжатой в кулаке. На Кубе такой жест означал: «Но пасаран» – «Они не пройдут».

Один из мужиков начал что-то быстро говорить по-испански, но Иванов, кроме «ноу компрендо», «муча трабаха», «мучача» и «шервеза», по-испански ничего не знал. Поэтому по-английски ответил, что не понимает их.

Тогда один из мужиков начал тыкать пальцем в банановоз и в него, добавляя при этом какие-то междометия недоволь-

ным тоном. Иванову стало понятно, что он спрашивает его, не с банановоза ли он.

Иванов отрицательно покрутил головой и начал тыкать пальцем в «Оренбург», добавляя при этом уже известное «но компрендо», и для пущей убедительности произнёс, ударяя себя в грудь, знаменитую фразу из кинофильма: «Русо маринеро облик морале».

Лица мужиков после такого заявления вообще расплылись в улыбках, и они, обняв Иванова за плечи, повели его, что-то приговаривая, к стопкам ящиков, готовых к погрузке.

Один из новых знакомых распахнул полы куртки, в которую был облачён, и вынул из ножен внушительный тесак.

Иванова непроизвольно посетила мысль: «Ну вот и хана пришла тебе, дорогой». Но новый знакомый и не подумал покушаться на его ничтожную жизнь, а распорол один из ящиков, в то время как второй мужик подставил полу своей куртки под посыпавшиеся из ящика апельсины.

Иванову был предложен один из апельсинов, и мужики жестами показали, чтобы он его попробовал. Иванов взял апельсин и попытался его очистить, но кожура оказалась настолько твёрдой и толстой, что он пальцами не смог её надорвать.

Тогда владелец ножа перевернул нож рукояткой к нему и жестами показал, чтобы их новый знакомый использовал его для очистки апельсина.

Взяв нож и аккуратно крест-накрест надрезав кожуру,

Иванов снял её с плода.

Увидев его манипуляции с апельсином, один из новых знакомых воскликнул:

– О, интеллигенто!

Но Иванов, не обращая внимания на его эмоции, разломил апельсин и съел одну дольку.

Выражение лиц и слова мужиков однозначно обозначали их интерес к тому, понравился ли ему апельсин. Увидев их любопытные взгляды, Иванов понял их и, выпятив большой палец на руке, показал международный жест:

– Хорошо, гуд, перфекто, магнифико. – Откуда у него появился такой словарный запас, он и сам себе удивился.

Мужики поняли, что дружба завязалась, и принялись знакомиться. Одного из них звали Хуан, а другого Алехандро, а когда Иванов назвал своё имя, то они радостно принялись его повторять:

– Алексис, Алексис.

Мужик, что повыше и поплотнее, которого звали Хуан, обнял Иванова за плечи и подвёл к небольшой переносной будке, установленной возле выгруженных паллетов.

Около неё на земле лежали две сумки. Он приподнял одну, пошарил в её недрах и достал из сумки бутылку, заткнутую пробкой. Вцепившись в пробку зубами, он вынул её из бутылки и предложил Иванову попробовать содержимое. Что было в бутылке, Иванов не знал, но, во всяком случае, не молоко. Это он сразу понял по загадочному виду Хуана

и Алехандро.

Иванов в нерешительности посмотрел на новых друзей, на открытую бутылку в своей руке, не зная, что ему в данный момент делать. Но Хуан, поняв его сомнения, взял его руку с бутылкой и мягко подталкивал её к лицу Иванова. В другой руке он держал очищенный апельсин и нежно, как мать ребёнку, приговаривал:

– Дринк, дринк, пить, пить, бебер.

И тут Иванов однозначно понял, что пить ему придётся, и совсем не прохладительный напиток.

Поднеся бутылку к носу, он понюхал, что же за питьё ему предлагают. В нос ударил стойкий сивушный запах, который он никогда ни с чем бы не спутал. Это был запах самой настоящей самогонки. Зная коварство этого напитка, Иванов выдохнул и сделал большой глоток.

Жидкость обожгла весь рот и гортань. Чувствовалось, что кубинская самогонка была намного крепче, чем сорок градусов.

Проглотив напиток, Иванов тут же засунул в рот, предложенный Хуаном апельсин.

Мужики от его действий были довольны и тоже сделали по глотку из бутылки.

Через пять минут языковой барьер был преодолён, и Иванов уже знал, что выгрузка ночью не ведётся и Хуан с Алехандро охраняют приготовленные апельсины. Что у них есть семьи и сколько детей у каждого. Что у Хуана есть даже лю-

бовница, хотя жена у него очень хорошая, но Хуан же мужчина сильный и его очень любят все женщины.

Переносная будка была открыта, и оказалось, что и у Алехандро была точно такая же бутылка, которая вскоре была опустошена. Откуда-то взялся небольшой транзистор на батарейках, и Хуан для разнообразия включил его. Это был, наверное, ночной канал, и одной из песен, несущихся из него, была «Санта-Лючия».

Когда песня закончилась, мужики уже сами, в своём собственном исполнении начали демонстрировать Иванову вокальные данные. Ох, как они заливались! И Иванов им вторил, хотя, кроме слов из припева «Санта-Лючии», ни одного слова больше не знал.

Песня ему нравилась. Она в исполнении Робертино Лоретта частенько передавалась и по советскому радио, но так как тот исполнял её на итальянском языке, слов этой песни Иванов не знал, кроме припева.

Оказывается, что все они не только любят эту песню, но и смотрели фильмы с участием Раджа Капура «Господин 420» и «Бродяга». Но ни Иванов, ни его новые друзья слов песен из этих фильмов не знали, так что орали только мелодии.

Всё бы было замечательно, но Иванов посмотрел на часы и увидел, что до сдачи вахты ему осталось всего пятнадцать минут. Надо было идти поднимать третьего механика на вахту.

Мужики его поняли и отпустили, взяв обещание, что Ива-

нов обязательно вернётся.

Иванов без проблем взобрался на трап. Вахтенного матроса на палубе не было, поэтому он незамеченным прошёл к своей каюте.

Чтобы и дальше не светиться, и не шарахаться по коридорам, он набрал номер телефона третьего механика и постарался придать своему голосу более-менее трезвые нотки.

– Серёга, – важно проговорил Иванов в телефонную трубку, – подъём, и зайди ко мне. Дело есть.

Тот что-то недовольно пробурчал, но Иванов этого уже не разобрал.

Минут через пять Серёга заглянул в каюту к Иванову.

– Чё надо? Чего звал? – недовольно проговорил он, но даже в полумраке каюты разглядел Иванова и неподдельно удивился: – И где это ты так?

– Там, – Иванов широким жестом указал на переборку, ведущую в коридор, – с охранниками.

– Ну, ты даёшь! – непроизвольно удивился Серёга. – Когда успел? Ведь только встали, – но тут же поинтересовался: – И чего пили?

– Самогонку, местную, – признался Иванов, уже еле ворочая языком. – Крепкая, зараза. Но я больше не могу пить. Спать хочу. А они меня там ждут.

– Да куда тебе! – замахал руками на Иванова Серёга. – Ложись. Никуда ты не пойдёшь. Не хватало ещё на помпу нарваться, тогда вообще визу закроют.

– Но они же меня там ждут, – упрямо настаивал Иванов.

– Я за тебя схожу, извинюсь, скажу, что ты устал, – начал уговаривать Иванова Серёга.

– Ну, тогда, – Иванов вновь упрямо мотнул головой, – сам сходи и возьми тропикан в холодильнике и им отдай. – Он попытался встать, но что-то у него это не получилось.

Серёга уложил друга на диван, достал из холодильника две бутылки тропического вина, которое выдавали за нахождение в тропиках – на этот раз было «Саперави», – и вышел из каюты.

В обед он зашёл к Иванову и угостил апельсинами, рассказав об охранниках и о том, что он их оставил спокойно спящими в будке.

Вечером экипаж вывезли в гостиницу, потому что судно было поставлено на фумигацию. В гостинице они прожили три дня.

Хосе и Алехандро Иванов больше не видел, а с Серёгой они работали вместе ещё долго. Потом судьба раскидала их по разным пароходам, и встретились они только лет через пятнадцать, когда и Серёга, и Иванов уже работали старшими механиками. Вспоминали время совместной работы, слушали песню «Санта-Лючия» и от души подпевали Робертино Лоретта.

08.10.2021

Кино

Переход от Находки до Панамского канала занял почти месяц. От канала до Сьенфуэгоса дошли ещё за трое с лишним суток. За это время все фильмы, которыми «Трансфлот» Находки снабдил «Оренбург», был просмотрены.

В начале перехода фильмы крутили чуть ли не каждый день, но помполит решил, что это уж очень часто – так развлекать экипаж, поэтому крутить фильмы стали через день.

Дальше – хуже. Через день стали крутить те, которые просмотрели, а не просмотренные фильмы – по субботам и воскресеньям.

Но, несмотря на все ухищрения, фильмы до прихода на Кубу были пересмотрены. Тут народ отвлёкся фумигацией, гостиничными развлечениями, поездками на пляж, а когда экипаж вернулся обратно на судно, то наступила тоска зелёная.

Героические фильмы про Фиделя по телеку смотреть надоело. В СССР и про своих героев полей и отважных секретарей парткомов осточертело видеть и читать. Местные новости никого не интересовали, да и были непонятны – знатоков испанского языка в экипаже не нашлось.

То есть делать было абсолютно нечего. Народ до полуночи забивал козла, играл в нарды, читали книги, которыми в Находке была обновлена библиотека. Каждый занимался кто

чем мог. Лишь бы скрасить скучные длинные вечера, свободные от вахт и работ.

Механики и штурмана несли суточные вахты. Так что в один из таких серых дней Иванов отбросил порядком надоевшую ему «Анну Каренину», чтобы не заснуть. Он уже третий раз начинал читать о сердечных переживаниях этой дамы и ужасно тяжёлой жизни дворян, но от такой нудятины, что творилась на страницах книги, его всё время непреодолимо клонило ко сну.

Он встал с дивана, потянулся, бесцельно посмотрел в иллюминатор и неожиданно для себя решил позвонить третьему механику.

Тот сразу поднял трубку телефона.

– Чё делаешь? – поинтересовался он у Серёги.

Услышав, что это звонит Иванов, Серёга нехотя – в трубку это даже было слышно – потянулся до хруста в суставах и, позёвывая, ответил:

– Балди пинаю, думаю, поспать или нет.

– Кончай дурью маяться, – прервал его Иванов, – заходи ко мне.

– А чего у тебя делать? – Даже в трубку телефона было видно, что Серёге абсолютно не хочется расставаться с мягким и уютным диваном. – Тропикана у тебя нет, как мне помнится. Чаем я уже под завязку залился. Он скоро у меня из ушей начнёт вытекать...

– Да нет, – прервал его Иванов, – идея созрела.

– Чё за идея? – неохотно переспросил Серёга. – Опять, что ли, поработать захотелось?

– Не угадал, – рассмеялся Иванов. – Покруче идея. Зайдёшь – узнаешь.

– Ладно, – лениво согласился Серёга. – Жди. Сейчас зайду.

Иванов уселся у банкетного столика и уставился на дверь, в которой вот-вот должен был появиться Серёга.

Тот и в самом деле стукнул костяшками пальцев для приличия о дверь и широко распахнул её.

– Ну и что это у тебя за идея зародилась, что ты мне житья не даёшь? – Серёга подозрительно уставился на Иванова, устраиваясь в кресле напротив своего друга.

– Слышь, – загадочно начал Иванов, – у нас фильмы свежие ещё есть?

– Чё за дурь ты гонишь? – Серёга со смешком посмотрел на Иванова. – Сам же знаешь, что нет.

– Я-то знаю, – закивал головой Иванов, – помполит знает, и все знают. А что надо сделать для того, чтобы они появились? – Он загадочно посмотрел на Серёгу.

– А до Находки ничего и не сделаешь, – с иронией ответил тот Иванову. – Вот если бы в порту было советское судно, тогда можно было бы поменяться с ними, а так что... – Он разочарованно развёл руками.

– Что, что? – не отставал Иванов от начинающего мыслить в нужном направлении Серёги.

– У филинов поменять, которые стоят по корме. – Серёга кивнул в сторону кормы.

– Но у них только порнуха и страшилки. Помполит не разрешит тащить эту байду на судно. А так у всех сейчас на парходах видики. Только на советских ещё остались «Украины».

– Вот, вот, – постучал Иванов указательным пальцем по столу, – у всех видики. А на чехе, который стоит напротив нас, что?

– А кто его знает, что там? – удивился такому вопросу Серёга. – Может, видик, а может, и такая же «Украина», как и у нас. Ведь мы же все из социалистического лагеря. У них даже пароход гэдээровской постройки.

– Вот! – обрадовался Иванов, что Серёга его понял. – Истину глаголешь! А помполит знает, что у них установлено – видик или «Украина»?

– Наверное, нет, – пожал плечами Серёга.

– Так пойдём и спросим у него, а может быть, он нам разрешит смотаться туда на разведку да разузнать про фильмы. – Иванов радостно смотрел на Серёгу.

– Вряд ли, – засомневался Серёга. – Варгезов бы точно не разрешил. А этот – не знаю.

Варгезов, предыдущий помполит, списался перед этим рейсом в отпуск. Тот ни с кем не церемонился. Он на «Оренбурге» отработал двадцать лет и считал себя здесь хозяином. Его откровенно все побаивались. Многим морякам он ис-

портил и жизнь, и карьеру буквально из-за мелочей. Поэтому при нём надо было следить за каждым своим словом.

Его сейчас подменял молодой мужик, которого прислали с лесовозов. А там, как по своему опыту знал Иванов, летом были полярные рейсы с самовыгрузками на необорудованное побережье Чукотки. И только на зиму они снимались на перевозку леса в Японию, Китай или Корею. На таких судах гнильца человеческая сразу вылезала наружу.

За месяц перехода помполит ещё никак себя не проявил, да Иванов с ним и не общался. Встречались они только за ужином в кают-компании да на редких политинформациях. Поэтому Иванов не знал, как к такому предложению, как сходить на соседнее судно за фильмами, отнесётся помполит.

Серёга почесал остатки волос на макушке и махнул рукой:
– А пошли спросим. Может, и разрешит. – Он с надеждой посмотрел на Иванова.

– Пошли, – тут же согласился тот и поднялся с кресла.

Дверь каюты у помполита была открыта, и через неё было видно, что хозяин каюты сидит на диване, уложив ноги на кресло, и читает книгу.

Иванов осторожно постучал о косяк двери и заглянул в каюту:

– Разрешите, Валерий Павлович? – поинтересовался он, ожидая приглашения.

Помполит, оторвавшись от книги, посмотрел на Иванова:

– А-а, – протянул он, – Алексей Дмитрич... Заходите, заходите. Что-то вы ко мне так ни разу и не зашли за весь переход, – начал помполит, поднимаясь с дивана.

– Да, – замялся Иванов, – всё работа да работа. Только вот сейчас появилось немного свободного времени.

– Дай вы проходите, – предложил помполит Серёге, который замаячил в дверях, – садитесь и рассказывайте, что привело вас ко мне.

Помполит сел на своё прежнее место на диване и с интересом разглядывал нагрывнувших механиков.

– Да ничего особенного, – начал мямлить Иванов, но, набравшись духу, сразу выложил цель визита: – Разрешите сходить на чешский пароход, который стоит напротив, у того длинного пирса, за фильмами, – выпалил он и уже спокойнее, как бы в оправдание своей просьбы добавил: – Наши-то мы все пересмотрели, – и с нетерпением уставился на помполита, ожидая его реакции на свою просьбу.

Выражение лица помполита не изменилось, но он, выдержав паузу, спокойно ответил:

– Я думаю, что идти туда смысла нет. Судно у них новое, так что фильмов на бобинах у них не будет. Сейчас всё больше фильмы на кассетах смотрят.

– Но это же такое же судно, как и наши, типа «П», – встрял в разговор Серёга. – Я на таких работал и точно знаю, что у них в столовой есть будка для киноаппарата. У нас на «Пскове» мы постоянно кино смотрели, – горячо начал объяснять

он.

– На наших-то судах это есть, я сам знаю, – согласился с Серёгой помполит, – но их судно может быть сделано по индивидуальному заказу. Тогда уж точно там помещения для кинопроектора нет.

Чувствовалось, что помполиту не нравится предложение механиков, но как отделаться от них, он ещё не придумал. Варгезов бы их даже на порог каюты не пустил и с первых же слов послал куда подальше, а этот ещё что-то думал.

Учуввав такую слабинку помполита, Иванов принялся давить на его сочувствие:

– Да мы, Владимир Палыч, не столько на чеха хотим сходить, сколько просто походить вдоль причалов да размяться, посмотреть на пароходы, на Кубу. А то всё в машине сидим. Что-то засиделись мы за этот месяц. Развеемся хочется. А к чехам заодно зайдём. Просто поинтересуемся. Если есть фильмы – то отлично, а если нет – ну что ж, тогда... – Иванов развёл в бессилии руками и усмехнулся. – Тогда за спрос, я так думаю, нас оттуда не погонят.

Было заметно, что последние доводы Иванова сломали неуверенность помполита, и он решил:

– Ладно, уговорили, черти окаянные, сходите, – но тут же строго напомнил: – Но, чтобы с прогулкой не затягивали и к двадцати одному были на борту.

Иванов посмотрел на часы. Было начало седьмого.

– Большое спасибо, Владимир Палыч, – горячо начал бла-

годарить помполита Иванов и, встав с дивана, заторопился к двери.

– Да! – остановил продвижение Иванова и Серёги помполит. – Обязательно запишитесь у вахтенного помощника в журнале увольняемых и получите у него пропуска.

– Ясно, – закивал головой согласный на всё Иванов, – сделаем обязательно.

– И чтобы переоделись и выглядели достойно, – дополнительно напутствовал он Иванова, который уже стоял в дверях.

– Всё будет хорошо. Не волнуйтесь, Владимир Палыч, – скороговоркой заверил Иванов помполита, и вместе с Серёгой они заторопились по трапам вниз, к каюте третьего помощника, который сейчас был на вахте. Ведь на всё про всё у них было чуть больше двух часов.

Оказавшись на причале, Иванов уже не торопился. До чешского парохода было не так уж и далеко. До него можно было дойти минут за двадцать неспешным шагом, а возвращаться на судно не хотелось. Можно было бесцельно побродить по причалам, поглазеть по сторонам. Да и погодка располагала к прогулке.

Было нежарко. Солнце ещё не зашло, но лучи его уже не обжигали. С моря дул слабенький ветерок, который приносил долгожданную прохладу, и вокруг стоял стойкий йодистый запах водорослей. Дышалось легко и свободно. Делать ничего не хотелось, а особенно торопиться.

Вскоре они подошли к намеченной цели.

Судно и в самом деле было новое, не то что их двадцатилетний, многое повидавший «Оренбург». Борта блестели свежей серой краской. Даже создавалось впечатление, что до прогуливающихся механиков доносился ещё её запах. На транцевой корме было чётко выведено название судна и порт его приписки. Прага. Вот это и было одной из причин, которые побудили Иванова на прогулку.

Поглазев и пройдясь вдоль судна, которое уже заканчивало выгрузку, они подошли к трапу. Парадный алюминиевый трап в корне отличался от трапа их судна. Он весь блестел и каждой своей ступенькой показывал, что он абсолютно новый и по его ступенькам ещё мало кто прошёлся.

– Ну что? – Иванов посмотрел на Серёгу. – Поднимемся?

– Конечно, – согласно кивнул головой тот, – а то чё мы сюда пёрлись, – и первым начал взбираться по крутому трапу.

На палубе, в отличие от «Оренбурга», где постоянно стоял вахтенный матрос с повязкой, никого не было. Да и сама палуба в корне отличалась от той, к которой привык Иванов.

Хотя у них она тоже была выкрашена и ржавчины нигде не было видно, но сквозь краску то тут, то там проглядывали слои старой краски и оббитой ржавчины. А здесь палуба была словно яичко, и, осторожно ступив на неё, Иванов испытал ощущение, что на ней можно поскользнуться, настолько она была гладкой и блестящей.

Подойдя к двери в надстройку, Иванов осторожно открыл

броняшку и вошёл в коридор. Справа от входа находился грузовой офис. В нём были два человека, которые с интересом смотрели на появившихся гостей.

– Привет, мужики, – поприветствовал их Иванов по-русски.

– Здравствуйте, – ответил один из присутствующих также по-русски, но с небольшим твёрдым акцентом. – Что бы вы хотели узнать у нас на нашем судне?

– Мы с «Оренбурга», – начал разговор Иванов. – Рядом с вами стоим, – и рукой показал в ту сторону, откуда они с Серёгой пришли. – Хотели бы познакомиться да поговорить.

– Поговорить можно, – спокойно продолжил начавший разговор высокий парень, одетый в белый комбинезон. – Только поздно вы к нам пришли. Мы сегодня заканчиваем выгрузку и завтра уходим на Европу. – Он встал с кресла, на котором сидел у стола с документами, и, подойдя к Иванову, представился: – Я – Карел, второй офицер, а это мой вахтенный матрос Иржи.

Тот тоже подошёл к Иванову и крепко пожал его ладонь, но ничего не сказал – наверное, не знал русского.

– Я – Алексей, второй механик, а это мой друг Сергей. Он третий механик. – Иванов ответил на дружественные рукопожатия, что сделал и Серёга. – А мы только вчера вернулись из отеля. Нас туда поселили на время фумигации, поэтому раньше к вам ну никак не могли прийти и познакомиться, – как бы извиняясь, начал свои объяснения Иванов.

Хотя какие тут хождения в гости. Тут и так помполит еле отпустил, но марку моряков советского флота принижать не хотелось, поэтому Иванов продолжил интересоваться:

– Прочитали название порта приписки и удивились. Ведь в Праге нет моря, а пароход имеет такой порт приписки. Странно.

– Ничего странного, – улыбнулся Карел, – моря у нас нет, но флот у нашей страны есть. – Во время объяснения он немного путался в словах, но, чтобы избежать такого неудобства, предложил: – У нас капитан и старший механик хорошо говорят по-русски. Они учились в Одессе. Давайте я вас лучше к ним отведу. Вы там с ними обо всём сможете поговорить, а у меня много работы, – кивнул он на стол, заваленный бумагами, – и мне её надо закончить до отхода судна в рейс.

– Я не против, – пожал плечами Иванов. – Если ты считаешь, что так будет лучше, то пожалуйста...

Карел что-то сказал Иржи, и тот, показав рукой на дверь, предложил:

– Прошу.

А сам второй помощник поднял трубку телефона и принялся набирать номер.

Иванов с Серёгой последовали за матросом, который привёл их на третью палубу. Возле одной из раскрытых дверей стоял аккуратно одетый человек, который при виде гостей доброжелательно улыбнулся и на чистом русском языке об-

ратился к ним:

– Рад вас видеть, товарищи, – и, протянув руку для рукопожатия, представился: – Я – старший механик этого судна, и зовите меня Александр.

Иванов с Серёгой в ответ пожали ему руку, представились и в нерешительности ожидали дальнейшего развития событий.

А старший механик, приобняв Иванова за плечи, с радостной улыбкой на лице заявил:

– Как давно я не видел русских друзей. Мне так приятно, что я вновь встретился с ними. Так что проходите, проходите. – И он провёл опешивших от такого приёма гостей к себе в каюту.

Иванов и раньше бывал на судах гэдээровской постройки типа «Выборг» («Высокогорске», «Вольске» и ещё нескольких) и типа «Псков» (на «Пестове», «Путивле») и сам работал на «Чите». Там интерьер помещений был сделан по высшему классу, но здесь он был удивлён, насколько всё отличалось от того, что строилось для СССР.

Это чувствовалось даже в ярко освещённых коридорах, а в каюте старшего механика Иванов вообще был поражён. Диваны, столы, кресла, стулья и отделка переборок – всё было абсолютно другим. У Иванова создавалось впечатление, что он попал на какой-то пассажирский пароход, а не на обычное грузовое судно.

Увидев его растерянность, Александр предложил:

– Не стесняйтесь, садитесь, устраивайтесь, будьте как дома.

На что Серёга хмыкнул:

– У нас и дома-то такого нет. У нас всё намного скромнее.

– Ничего, ничего, – продолжал суетиться Александр, – сейчас всё будет хорошо. Сейчас пиво будем пить, говорить. Музыка будем слушать. Вечер у нас длинный. Будет нам о чём поговорить.

Тут в дверь постучали, и в каюту вошёл довольно молодой, но солидный, одетый в светлые бежевые брюки и кипенно-белую рубашку мужчина.

– Это наш капитан, – сразу представил его Александр.

Капитан подошёл к ошарашенным механикам и протянул руку.

– Бронислав, – на хорошем русском представился он и, увидев удивлённый взгляд Иванова, пояснил: – Мы с Александром, – он кивнул на старшего механика, – учились в Одессе и поэтому говорим по-русски. Нам с ним даже легче обсуждать наши морские проблемы по-русски, а не по-чешски. Поэтому вы не удивляйтесь.

– Да я не удивляюсь, – начал оправдываться Иванов, – мне просто очень приятно, что нам будет легко общаться.

– Да, – согласился с ним капитан, – общения у нас, моряков, между собой мало, так что садитесь, поудобнее устраивайтесь и расскажите, что привело вас сюда.

– Да тут всё просто, – вступил в разговор Серёга. – Мы

все наши фильмы пересмотрели, пока шли сюда из Находки, поэтому хотели узнать, можно ли у вас поменять фильмы. – И он с интересом посмотрел на капитана.

Тот улыбнулся и развёл руками:

– Я знаю советские пароходы и ваши правила, когда вы все вместе вечерами смотрите фильмы на таком громоздком аппарате, как ваша... как это... – Он в ожидании поддержки посмотрел на старшего механика.

– «Украина» этот аппарат называется, – напомнил ему Александр, – но стрекочет он, как пулемёт «Максим». – И они все вместе от такого сравнения рассмеялись.

Но тут в каюту ещё раз постучали, и в неё ввалились... нет, не вошли, а именно ввалились ещё пара молодых парней, у которых в руках было по ящику пива. Бутылки внутри от неосторожной переноски жалобно позвякивали.

Поставив ящики, парни также от души пожали руки Иванову и Серёге. Это пришли второй механик Кристоф и электромеханик Добромир.

Старший механик вместе с Кристофом выставили из бара высокие стаканы и тарелки, в которые были высыпаны какие-то орешки и подсоленные кренделёчки.

Обстановка доброжелательности и открытости располагала к тому, чтобы беседа потекла непринуждённо. По виду присутствующих Иванов сразу понял, что мужики живут тут дружно и чиновочтанием не занимаются. Все делают здесь одно дело: работают и работают ради своих семей и ради

их благосостояния. Никто не стеснялся говорить, что любит свои семьи, и все делились впечатлениями о последних рейсах, которые судно делало в Адриатике. Вспоминали, как к ним приезжали на судно семьи и как они все вместе отдыхали в Дубровнике, Сплите и Пуле.

Оказывается, что все они вместе учились в ОВИМУ, но только в разное время. А когда начали вспоминать курсантские годы, то Александр со смехом рассказал, как он привёз с собой из отпуска грелку с самогонкой и прятал её от старшины, чтобы угостить друзей с курса, а те в ответ угощали его салом.

Иванова поразило то, что никто ничего не скрывал. Не было того чувства угнетённости, которое он сам иной раз испытывал на различных судах. Здесь не надо было прятаться от помполита и увиливать от скользких вопросов куратора КГБ по приходе в порт и бояться, что о твоих промашках кто-то расскажет тому же куратору.

Здесь была атмосфера дружбы и взаимопонимания.

Капитан со смехом рассказал, как он перед отходом на Кубу поставил условие, чтобы каждый член экипажа в необходимой степени был обеспечен пивом, поэтому судну даже пришлось задержаться на сутки в ожидании машины пива из Праги. Зато теперь у них весь провизионный трюм полон пива, и они в нём не испытывают недостатка. Каждый может взять себе его столько, сколько позволяет зарплата.

Мужики не только рассказывали о своей жизни, но и ин-

тересовались тем, как она проходит на советских судах.

Иванов не стал размазывать серые и чёрные краски о своём житье-бытье. Ведь и у этих ребят были тоже и шторма, и поломки механизмов, да мало ли что может приключиться в жизни моряка, пока он находится в море. Ведь у всех у них были не только море, солнце, тропики, пляжи и пиво, но и грязная и тяжёлая работа. Но когда он сказал, что у них на судне есть четыре женщины, то электромеханик как-то нездорово заинтересовался этим. Иванову даже не понравилась его неприкрытая вульгарность, когда он спросил, а не пользуются ли они услугами женского персонала за деньги.

Сдержав себя, Иванов попытался объяснить, что это невозможно и что все женщины являются такими же моряками, как и остальные члены экипажа, но было заметно, что его слова до электромеханика не дошли.

Говорить с этими парнями можно было до бесконечности. Но Серёга толкнул Иванова в бок, а когда тот поднял на него глаза, сказал:

– Уже полдевятого. – Серёга постучал пальцем по стеклу наручных часов.

– Что случилось? – поинтересовался Александр.

– У нас дисциплина на судне, – пояснил Иванов, – и помполит отпустил нас только до девяти часов, поэтому нам надо возвращаться. – Он с сожалением развёл руками.

– Да, мы знаем о ваших комиссарах, с ними лучше не иметь дел, а то потом может быть много беды, – понял его

капитан. – Я сам проходил практику на судах Черноморского пароходства, поэтому знаю, что такое увольнение на берег по три человека. – И он тут же вспомнил, на чём прервался их разговор: – А вот «Украины» у нас нет. У нас есть своя видеотека. Но там фильмы только на нашем языке или на английском. Так что ваш комиссар не одобрит ваш выбор, если вы принесёте на судно наши кассеты.

Иванов про себя усмехнулся: «Тем более что и видика у нас нет».

Но пришло время расставаться. Стармех предложил Иванову забрать оставшийся ящик с пивом с собой, но тот как представил, что его может ожидать при проносе спиртного на борт судна в иностранном порту, то сразу же замахал руками:

– Ты что, Александр, не знаешь, что может случиться, если я его принесу?

– Да, – хлопнул себя по лбу стармех. – Извини, я забыл, что вы на советском пароходе.

Тёплая компания проводила их с Серёгой до самого трапа, и ещё долго Иванов слышал смех подвыпивших моряков с борта чешского судна.

«Оренбург» их встретил безрадостно.

Видавший виды трап с побитыми леерами поскрипывал и ходил ходуном, пока они поднимались на борт. Вахтенный в испачканной краской робе вяло махнул в знак приветствия рукой и опять устался в какую-то одному ему известную

точку за забором порта.

В надстройке, кроме отдалённого шума, работающего где-то внизу, в машинном отделении, дизель-генератора, было относительно тихо.

В коридорах, освещаемых неяркими лампочками накаливания, было пусто, и только в столовой команды дородные повариха Оля и дневальная Марина смотрели на мелькающий экран телевизора, в котором местный диктор что-то увлечённо тараторил по-испански про вести с сахарных полей, где началась сафра.

Пройдя к своей каюте, Иванов жестом попрощался с Серёгой, который тоже что-то скис, взойдя на борт суда. Его прежняя весёлость пропала, и он вновь превратился в неразговорчивого и сосредоточенного на своих бедах и проблемах обычного механика.

В каюте Иванов набрал номер телефона помполита, который через пару секунд поднял трубку.

– Валерий Палыч, мы пришли, – доложил Иванов.

– Ну и как? Можно у них поменять фильмы? – тут же поинтересовался помполит.

– Нет, к сожалению, – ответил Иванов и пояснил: – Вы были правы. У них только видик с кассетами.

– Ну я же вам говорил об этом, – напомнил ему помполит и поинтересовался: – А так всё нормально?

– Да, всё хорошо. Походили, погуляли, – слукавил Иванов. – Спасибо за увольнение.

– Да не за что, – довольно проговорил помполит, – отдохните, – но тут же вспомнил: – А помощнику доложились, что прибыли?

– Нет, извините, не доложил, – сознался Иванов, но тут же добавил: – Я думал, что это сделает вахтенный матрос.

– Ничего, я сам ему позвоню, – прервал его оправдания помполит, – пусть сделает отметку в журнале, – и повесил трубку.

Было без десяти девять, и Иванов плюхнулся на диван, перебирая в памяти прошедший вечер и рассказы своих новых знакомых.

Наверное, он заснул, потому что очнулся от трезвона никогда не дремлющего телефона.

– Алексей Дмитрич, – услышал Иванов голос помполита, – зайдите, пожалуйста, ко мне.

– Хорошо, – ответил ничего не понимающий Иванов. Он по привычке глянул на часы. Было почти десять часов.

Что там могло случиться, что побудило помполита позвонить ему так поздно? Что, он целый час разбирался с журналом увольняемых, что ли? Или помощник что-то напутал? Иванов даже представить себе не мог, что ещё могло случиться. И с такими мыслями он поднялся в каюту помполита.

Дверь в его каюту была открыта, а когда он заглянул в неё, то был поражён.

На диване сидели пьяные в дымину электромеханик Доб-

ромир и второй механик Кристоф. На столе были выставлены бутылка рома «Гавана Клуб» и пара бутылок вина «Саперави», которое экипажу выдавалось как тропическое довольствие.

Помполит пытался что-то объяснить гостям, но те его не слушали и только требовали, чтобы он позвал к ним девушек. Мол, без девушек им скучно, и они без них никак не смогут провести этот вечер, и им срочно надо увидеть девушек, чтобы выпить вместе с ними рома.

Иванов моментально понял, что влипли они с Серёгой по самое «не хочу». Что подумает об их увольнении на берег помполит, а особенно о том, что они там делали, Иванов даже представить себе не мог. У него от этих мыслей мурашки пошли по спине и по ней потекли противные струйки холодного пота, а голова вообще разрывалась от невероятных предположений.

– Вот, Алексей Дмитрич, ваши чешские друзья пожаловали. – Помполит с усмешкой посмотрел на недоумевающего Иванова. – А теперь подскази-ка мне, дорогой ты мой, что мне с ними прикажешь делать?

Но Иванов не успел ответить на столь сакраментальный вопрос из-за крика.

– О! Алексей! – радостно, еле вылезая из-за стола, кричал Добромир. – Как я рад тебя снова видеть! Где ты ходишь? Почему тебя нигде нет?

Он, покачиваясь, подошёл к Иванову и, распахнув объ-

тия, принялся с ним обниматься.

Когда Иванов увидел себя со стороны в объятиях пьяного иностранца, у него вообще волосы дыбом встали, и не только на голове. А когда ещё и Кристоф начал требовать, чтобы им немедленно подали судовых девушек для компании, то все жизненные желания Иванова сосредоточились где-то глубоко-глубоко в неопределённой точке ниже ватерлинии. Он даже не представлял себе, что может произойти дальше и чем эти выступления чехов для него могут закончиться.

Но помполит неожиданно переменял ситуацию. Он встал и, приобняв разбушевавшихся друзей, у которых уровень тестостерона и алкоголя зашкаливал, усадил их на диван. Мужик он был ростом за сто восемьдесят, жилистый, и Иванов как-то раз видел, как помполит во время вечерней прогулки по палубе легко крутился на турнике.

С помощью грубой физической силы разгулявшиеся чехи были усажены, и помполит стал полновластным хозяином положения. Он достал рюмки и стаканы из бара, фрукты из холодильника и, налив гостям в стаканы, а себе и Иванову в рюмки рома, провозгласил:

– Парни! Я очень рад, что вы пришли навестить нас, но очень сожалею, что время позднее и наши девушки давно уже спят. Ведь им надо очень рано вставать на работу, поэтому, чтобы не нарушать нашей мужской дружбы, предлагаю выпить, – и поднял свою рюмку.

Гости из этого тоста ничего не поняли и обалдело смот-

рели на улыбающегося помполита, а тот, видя, что они не собираются пить, всучил стакан с ромом Добромиру в руку и подмигнул Иванову, показывая взглядом на другой стакан, предназначенный для Кристофа. Иванов моментально понял, что ему надо делать, и проделал такую же манипуляцию со стаканом Кристофа.

Гости с помощью рук хозяев поднесли стаканы ко ртам и опрокинули в себя их содержимое. Когда объёмная тара была опустошена, за чем бдительно следили помполит с Ивановым, то и сами они на виду у обалдевших от выпитого чехов демонстративно выпили свои стопки.

Гости сидели молча, с трудом пережёвывая предложенные фрукты и уже не в силах произнести ни «бэ», ни «мэ».

Через пять минут ситуация кардинально поменялась. Добромир и Кристоф обнялись с Ивановым и убеждали его в том, что он такой замечательный парень, что они никогда такого не встречали и что лучшего советского механика они вообще нигде и никогда не видели.

Обозрев оную ситуацию, помполит вышел в спальню и оттуда вызвал к себе в каюту вахтенного помощника.

Когда тот вместе с матросом появился у дверей, помполит плеснул всем присутствующим по несколько капель рома и вновь торжественно спросил:

– А на посошок?!

Ну а от такого тоста уже никто не смог отказаться, и обесиленные тела гостей чуть ли не распластались на диване.

Но помполит, чтобы и дальше держать ситуацию под контролем, приказал вахтенным:

– Берите их, – кивнул он в сторону гостей, – и тащите отсюда подальше, желательно до их парохода, а то, не дай бог, где потеряются.

И тут Иванову пришлось поучаствовать в выносе тел друзей из страны социалистического лагеря. Доведя их до трапа, им помогли сойти на причал, где Иванов услышал последний приказ Валерия Павловича:

– Доведите их до парохода, а то родина нам не простит, если эта пьянь где-то затеряется.

Так и пришлось Иванову с вахтенными поучаствовать в доставке социалистической движимости на их родной борт.

Доставив к трапу уже немного пришедших в себя Добромира и Кристофа, они смачно расцеловались, заверяя друг друга в вечной дружбе. Чехи после прощания принялись карабкаться по трапу на борт своего судна, а Иванов с вахтенными вернулся на «Оренбург».

Помполит встретил их у трапа, где нёс вахту в отсутствие вахтенного матроса, и, не сказав ни слова, ушёл в надстройку.

Иванов ещё немного постоял у трапа, переваривая события сегодняшнего дня, выкурил сигарету и, пожелав вахтенному спокойной вахты, ушёл к себе в каюту.

Утро началось, как обычно с завтрака. Помполит сидел

за столом и о чём-то увлечённо разговаривал с капитаном. При виде входящего в кают-компанию Иванова, он только приветствовал его еле заметным кивком головы, не прерывая беседы, как будто вчера вечером ничего не произошло.

21.10.2021

Монумент

Борзов после завтрака вышел на палубу.

Чтобы не вдыхать вьедливый запах груза, он перешёл на левый борт, опёрся локтями о планширь фальшборта, закурил и огляделся.

«Леди Белла» уже три дня стояла в порту под погрузкой – грузили рыбную муку.

Погода в конце апреля в этом районе Перу была отличная. Лёгкий ветерок дул со стороны океана, сдувая «прелести» запаха груза и принося утреннюю прохладу. Солнце недавно выглянуло из-за цепи гор, возвышающихся на востоке, и плавно начинало свой дневной путь по ярко-синему безоблачному небу. Оно ещё не успело прогреть землю, поэтому дышалось легко и свободно.

Подставив лицо под его ласковые лучи, Борзов наслаждался новым утром. От такой обстановки желание спуститься в машинное отделение окончательно пропало, и он принялся рассматривать окружающий судно ландшафт.

Судно стояло носом к берегу. Города из-за надстройки видно не было, и просматривался только причал, который под прямым углом подходил к берегу, упираясь в огромную гору. На её безжизненных склонах почти не было растительности, и она серокоричневыми скалами и каменистыми осыпями уходила высоко вверх.

Вершину её украшал огромный монумент, вознесённый туда каким-то местным бизнесменом. Об этом вчера в городе рассказал ему один из клерков фотоателье, куда он отнёс плёнки, чтобы ему напечатали фотографии.

Влево от причала дугой уходил каменистый пляж, заканчивающийся у подножия другой горы, которая была намного ниже. К своему удивлению, Борзов прочёл на её пологом склоне надпись «Lady Bella», написанную белой краской огромными буквами.

– Понятно, куда делась краска, – усмехнулся Борзов, вспомнив, как вчера третий механик Фернандо с мотористами Фортичем и Бангсалом куда-то тащили пару бидонов белой.

Вчера была суббота, и машинной команде после обеда по правилам компании полагалось выделять свободное время для наведения порядка в судовых и личных помещениях. Но третий механик отпросился у него сходить с мотористами на берег, сообщив, что порядок у них уже наведён. Теперь эта надпись наглядно свидетельствовала о том, как машинная команда провела свободное время на берегу.

Любят же филиппинцы малевать название пароходов, на которых они работают, где ни попадя. Теперь эта надпись на многие годы будет извещать всю округу, что именно здесь и была «Леди Белла».

За разглядыванием окрестностей Борзов не заметил, как к нему подошёл второй механик.

Это был не по годам располневший крепыш с окладистой русой бородой на круглом лице. И звали этого бородача не иначе как Владимир Ильич. Для филиппинского экипажа это ничего не значило, но для Борзова был прекрасно понятен этот отголосок советской эпохи, хотя сейчас и проживающий в независимой Украине, в городе Мариуполе.

Ильич остановился рядом с Борзовым, опёрся на планшет и также бесцельно уставился в берег. Но за всей этой безразличностью и спокойствием крылся какой-то смысл, который через пару минут и проявился.

Когда Ильич говорил, то из-за густоты бороды слова из него выходили глухо, как из бочки, поэтому к ним надо было особо прислушиваться.

– Владимирыч, – начал он, – а не сходить ли и нам после обеда на берег? Вон филины, – он указал на размалёванную гору, – вчера отдыхали, да допоздна караоке орали. А что бы и нам не расслабиться?

– А что, – пожал плечами Борзов, – можно и расслабиться.

– Вот-вот, – засуетился, даже как-то неуважительно к своей комплекции, Ильич, – сходить на бережок надо обязательно. Я тут вчера такую забегаловку надыбал... – Ильич от пережитых вчера впечатлений даже закатил глаза. – Там таких курочек на гриле готовят... А салатика там какие... – Он раскрыл глаза и косо посмотрел на Борзова.

От его слов и смачного причмокивания Борзов произвольно представил себе зажаренную на вертеле, пышущую

жаром, с капельками стекающего жира курочку с золотистой кожей. От такой картины, промелькнувшей в голове, у него даже, несмотря на только что съеденный завтрак, рот наполнился слюной.

Что Ильич был любителем покушать, Борзов за последние четыре месяца уже усвоил. Он постоянно, по несколько раз в день гундел, что филиппинский капитан ворует и продуктами в полной мере экипаж не обеспечивает, что повар с ним заодно, что они его, Ильича, вообще уже задрали и хозяину компании Макринку он об этом обязательно капнет.

Что Ильич уже прошерстил все ближайшие от порта забегаловки, Борзов не сомневался, потому что он уже через пару часов после швартовки сбежал на берег и вернулся довольный, вальяжный и с засаленной бородой.

Сегодня было воскресенье, законный день отдыха, и можно было потратить его по собственному усмотрению, поэтому Борзов решил:

– Давай кое-что сделаем до обеда, а там и тронемся в город да протестируем твоих курочек.

По лицу Ильича трудно было определить, как он воспринял слова Борзова, но глаза его заблестели от предвкушения встречи с очередной курочкой, и он засуетился.

– Тогда чего тянуть? – пробубнил он, потирая ладони. – Сделаем обход и пойдём.

– Пошли, – без особого энтузиазма согласился Борзов и, зайдя в надстройку, поднялся к себе в каюту, чтобы пере-

одеться.

Во время кофе-тайма, когда они сидели на корме под тентом со вторым механиком и пили чай, из надстройки вынырнул вездесущий мессбой. Найдя глазами Борзова, он приложил четыре пальца к плечу и головой кивнул куда-то вверх.

– Чиф, – торопливо начал он, – мастер тебя зовёт.

Борзову сало ясно, что спокойно допить чай не получится, потому что капитан изволили проснуться и вызывают его на ежедневный доклад.

* * *

Филиппинский капитан вёл себя как местный царёк. Он просыпался к кофе-тайму, и тут начиналась суета. Мессбой бегал к нему с завтраком, начальник рации с прогибами представлял полученную почту, старпом отчитывался о проделанной работе, а стармех – о состоянии машинного отделения. Всё это происходило в каюте капитана, где за столом сидел он сам и вальяжно принимал доклады у подчинённых.

Если судно находилось у причала, то доклады происходили у него в каюте и все филиппинские докладчики рассаживались за столом в ожидании следующих распоряжений, а в море капитан поднимался на мостик, и тогда уже оттуда мелкими волнами вниз шла вся суета.

Поначалу, когда Борзов только пришёл на судно, капитан с ним почти не разговаривал, а лишь при любом подходящем

случае орал.

Борзов даже не предполагал, что в этом тщедушном создании ростом под сто шестьдесят столько апломба и наглости. Любые распоряжения он отдавал Борзову с видом пренебрежения, как будто кидал ему кость, а если, не дай бог, что случится в машине, то тут воплей было выше клотика. Капитан тогда бесновался и орал в лицо Борзову. Но так как английский язык у Борзова был не очень, то он терпел эти крики. Читать, писать и переводить Борзов мог легко и свободно, а вот разговаривать не мог. Внутри него стоял какой-то стопор, который он никак не мог снять.

Но в один из таких раздолбонов, когда капитан исходил слюной и бесновался, Борзов не выдержал.

Он молча стоял перед потерявшим страх и распоясавшимся капитаном и, опираясь на спинку плетённого стула в бессилии от того, что не может подобрать необходимые слова для ответа, хотя они роем крутились у него в голове, сжимал его.

Но когда капитан истошно завопил:

– А почему ты тогда с третьим механиком об этом не посоветовался? – у Борзова что-то щёлкнуло внутри.

Про третьего механика это была отдельная песня. Высокий, с правильными чертами лица (наверное, с примесью испанской крови) филиппинец ярко выделялся на фоне всех своих братьев слегка желтоватой кожей. Капитан хотел, чтобы он стал вторым механиком, но круинг распорядился

по-своему и прислал Ильича. Поэтому Фернандо был этим очень недоволен. Он полностью игнорировал и второго механика, и Борзова, но, когда тот объяснил ему, как отрегулировать угол опережения подачи топлива на дизель-генераторах «Паксман», авторитет Борзова в глазах третьего механика подпрыгнул до небес и тот при любом удобном случае докладывал Борзову о любых прегрешениях второго механика. А так как Фернандо частенько зависал вечерами в каюте капитана и пил с ним пиво, то капитан обо всех машинных делах знал из его уст. Поэтому для капитана авторитет третьего механика был непререкаем, а стармех находился на борту просто так, потому что его прислал круинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.